

ISSN 2409-7136 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 03-01-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Даниленко Денис Васильевич, доктор права (Франция),
danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 03-01-2025

Founder: Danilenko Vasilii Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Danilenko Denis Vasil'evich, doktor prava (Frantsiya), danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Главный редактор

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «НОТА ВЕНЕ» (ООО «НБ-МЕДИА»). 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Редсовет

Сыченко Елена Вячеславовна – PhD (университет Катании, Италия) , доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета, декан юридического факультета, 183052, г. Мурманск, просп. Кольский, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Боярский Марек - доктор права, профессор, ректор Университета Вроцлав, Польша; Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Графский Владимир Георгиевич - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул.Знаменка, д.10.

Герд Винтер - доктор права, профессор, директор Научно-исследовательского Центра Европейского права окружающей среды Бременского университета (г. Бремен, Германия). Universität Bremen, Universitätsallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Гузик-Макарук Эва Моника - доктор права, профессор Университета в Белостоке, Польша Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Гуляихин Вячеслав Николаевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Волгоградского государственного университета

Даниленко Василий Иванович - кандидат политических наук, председатель совета директоров академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА») 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА»). 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Добрынин Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Желински Мартин - доктор права, профессор, Конституционный трибунал Республики Польша (Constitutional Tribunal (Poland))Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Ковлер Анатолий Иванович -доктор юридических наук, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Большая Черемушкинская ул., 34, Москва, 117218

Курбанов Рашад Афатович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Марочкин Сергей Юрьевич - профессор, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ, директор Института государства и права Тюменского государственного университета. 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, дом 10, Институт государства и права

Наган Винстон Персиваль - доктор права, профессор права Университета Флориды (школа права имени Левина), директор Института прав человека, мира и развития, профессор антропологии Брейзноуз Колледжа (Оксфорд), член Королевского общества искусств (Royal Society of the Arts, Лондон), член Комиссии по конституционным вопросам ЮАР (США). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Перихт Алла Альфредовна - кандидат юридических наук, научный сотрудник юридического факультета Университета г. Гамбурга. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Хаммер Крег Саймон - доктор философии, консультант по вопросам международного права Всемирного банка реконструкции и развития, отдел развития новых банковских практик в сфере вовлеченности в гражданское общество, усиления и уважения разнообразия — CEERD, (г. Вашингтон, США). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедра уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая

кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН, профессор кафедры УДПООП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Чернядьева Наталья Алексеевна - доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия. chernyadnatalya@yandex.ru

Альбов Алексей Павлович - доктор юридических наук, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА), профессор, 107078, Россия, г. Москва, ул. Новая Басманская, 4-6, строение 3, кв. 348, aap62@yandex.ru

Аюпова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Беляева Галина Серафимовна - доктор юридических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, заведующий кафедрой административного права и процесса, 308503, Россия, Белгородская область, пос. Майский, ул. Агрономическая, 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Бидова Бэла Бертовна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», зав.кафедрой уголовного права, криминологии и национальной безопасности, 364060, Россия, Чеченская республика область, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 7, кв. 63, bela_007@bk.ru

Васильев Алексей Михайлович - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 2-й кадетский переулок, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Володина Людмила Мильтоновна - доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Галяшина Елена Игоревна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, оф. 721, eigaljashina@msal.ru

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное

бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Калужина Марина Анатольевна - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры криминалистики и правовой информатики, Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ФКУ НИИ ФСИН России), ведущий научный сотрудник, 350047, Россия, г. г. Краснодар, ул. 1 Линия, 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности, 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Кротов Андрей Владиславович - доктор юридических наук, 603054, Россия, г. Нижний Новгород, ул. а/я 33, 33, pravonnov@yandex.ru

Кудратов Некруз Абдунабииевич - доктор юридических наук, Таджикский государственный университет коммерции, Декан факультета, 734061, Таджикистан, г. Душанбе, ул. Дехоти, 1/2, каб. 309, nek-kudratov@mail.ru

Матвеев Антон Геннадьевич - доктор юридических наук, ФГАОУВО "Пермский государственный национальный исследовательский университет", профессор кафедры гражданского права, la-musica@yandex.ru

Новиков Алексей Валерьевич - доктор педагогических наук, Федеральное казенное учреждение "Научно-исследовательский институт ФСИН России", Главный научный сотрудник, Астраханский государственный университет, Профессор кафедры уголовного права, 140072, Россия, Московская область, пос. Томилино, ул. Пушкина, 59В, -, novikov.pravo@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские садки, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Рогова Евгения Викторовна - доктор юридических наук, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса, 664081, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, мкр. Крылатый, 24/3, кв. 20, rev-80@yandex.ru

Рыжов Валерий Борисович - Doctor of Juridical Science (S. J. D. or J. S. D.), Московский институт юриспруденции, заведующий криминалистической лабораторией , 125057, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 75, корп. 1 А, кв. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Сайфутдинов Тахир Исмаилджанович - доктор юридических наук, Кыргызско-Казахский университет, проректор по научной работе, Ошский государственный юридический институт, профессор кафедры уголовного права и процесса, 720072, Киргизия, г. Бишкек, ул. Тулебердиева, 80, saifutdinovt@bk.ru

Council of editors

Editor-in-Chief

Denis Vasiliyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Editorial Board

Sychenko Elena Vyacheslavovna – PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Nikolay Dmitrievich Gomonov – Doctor of Law, Professor, North-Western Institute (branch) Moscow University of Humanities and Economics, Dean of the Faculty of Law, 183052, Murmansk, ave. Kola, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University, Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Bojarski Marek - Doctor of Law, Professor, Rector of the University of Wroclaw, Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenka str., 10.

Gerd Winter is a Doctor of Law, Professor, Director of the Research Center for European Environmental Law at the University of Bremen (Bremen, Germany). Universit?t Bremen, Universit?tsallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Guzik-Makaruk Eva Monica - Doctor of Law, Professor at the University of Bialystok, Poland Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Vyacheslav N. Gulyikhin – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Social Work and Pedagogy of Volgograd State University

Danilenko Vasily Ivanovich - Candidate of Political Sciences, Chairman of the Board of Directors of the academic publishing group "NOTA BENE" (LLC "NB-MEDIA) 115114, Moscow,

Paveletskaya Embankment, house 6A, office 211.

Denis Vasilyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Martin Zelinsky - Doctor of Law, Professor, Constitutional Tribunal of the Republic of Poland (Constitutional Tribunal (Poland))Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Kovler Anatoly Ivanovich - Doctor of Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Bolshaya Cheremushkinskaya str., 34, Moscow, 117218

Rashad Afatovich Kurbanov - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Sergey Yuryevich Marochkin - Professor, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 10 Semakova str., Tyumen, 625003, Russia, Institute of State and Law

Nagan Winston Percival - Doctor of Law, Professor of Law at the University of Florida (Levin School of Law), Director of the Institute of Human Rights, Peace and Development, Professor of Anthropology at Brasenose College (Oxford), Member of the Royal Society of the Arts (London), member of the Commission on Constitutional Issues of South Africa (USA). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Roerich Alla Alfredovna - Candidate of Law, Researcher at the Faculty of Law of the University of Hamburg. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Hammer Craig Simon - PhD, Consultant on International Law of the World Bank for Reconstruction and Development, Department for the Development of New banking practices in the field of involvement in civil society, strengthening and respect for diversity – CEERD, (Washington, USA). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEFU campus,

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006 Peshkova1@yandex.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10

Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Natalia A. Chernyadyeva - Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Crimean Branch of the Russian State University of Justice.
chernyadnatalya@yandex.ru

Alexey Pavlovich Albov - Doctor of Law, All-Russian State University of Justice (RPA), Professor, 4-6 Novaya Basmannaya str., building 3, sq. 348, Moscow, 107078, Russia,
aap62@yandex.ru

Ayupova Zaire Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Belyaeva Galina Serafimovna - Doctor of Law, Belgorod State National Research University, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, 308503, Russia, Belgorod region, village Maysky, Agronomic str., 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Bidova Bela Bertovna - Doctor of Law, Kadyrov Chechen State University, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and National Security, 364060, Russia, Chechen Republic region, Grozny, ul. Subry Kishieva, 7, sq. 63, bela_007@bk.ru

Vasiliev Alexey Mikhailovich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology criminology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 2nd kadetskiy lane, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Volodina Lyudmila Miltonovna - Doctor of Law, Tyumen State University, Professor, 111402, Russia, Moscow region, Moscow, Veshnyakovskaya str., 5 building 1, sq. 195, lm.volodina@yandex.ru

Elena Igorevna Galyashina - Doctor of Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Director of the Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., office 721, Moscow, 123995, Russia, eigaljashina@msal.ru

Nikolay Dmitrievich Gomonov - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Murmansk Arctic State University", Professor of the Department of Jurisprudence, 7 Khalturina str., office 10, Murmansk, Murmansk Region, 183010, Russia, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Kaluzhina Marina Anatolyevna - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics, Federal state Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service" (FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia), leading researcher, 350047, Russia, Krasnodar, 1 Liniya str., 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Kobets Pyotr Nikolaevich - Doctor of Law, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department of Scientific

Information, Training of Scientific Personnel and Ensuring the activities of Scientific Councils of the Center for Organizational Support of Scientific Activity, 121069, Russia, Moscow, Povarskaya str., 25, p. 1, pkobets37@rambler.ru

Andrey Vladislavovich Krotov - Doctor of Law, 603054, Russia, Nizhny Novgorod, 33 a/ya str., 33, pravonnov@yandex.ru

Kudratov Nekruz Abdunabievich - Doctor of Law, Tajik State University of Commerce, Dean of the Faculty, 734061, Tajikistan, Dushanbe, 1/2 Dekhoti str., room 309, nek-kudratov@mail.ru

Matveev Anton Gennadievich - Doctor of Law, Perm State National Research University, Professor of the Department of Civil Law, 614051, Russia, Perm Krai, Perm, ul. Uinskaya, 13, sq. 124, la-musica@yandex.ru

Alexey V. Novikov - Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia", Chief Researcher, Astrakhan State University, Professor of the Department of Criminal Law, 140072, Russia, Moscow region, village. Tomilino, Pushkin str., 59B, -, novikov.pravo@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Controlstaff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmmos@rambler.ru

Rogova Evgeniya Viktorovna - Doctor of Law, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure, 664081, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, md. Winged, 24/3, sq. 20, rev-80@yandex.ru

Ryzhov Valery Borisovich - Doctor of Judicial Science (S. J. D. or J. S. D.), Moscow Institute of Jurisprudence, Head of the Forensic Laboratory, 125057, Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 75, building 1 A, sq. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Sayfutdinov Tahir Ismaildzhanovich - Doctor of Law, Kyrgyz-Kazakh University, Vice-Rector for Research, Osh State Law Institute, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, 80 Tuleberdieva Str., Bishkek, 720072, Kyrgyzstan, saifutdinovt@bk.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].

<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].

<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].

<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Чабукиани О.А., Макарова Е.Н. Явка с повинной: формы фиксации и правила использования в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела	1
Стародубова О.Е. Роль цифровых платформ в государственном управлении	13
Попова Ю.Е. Отражение основных правовых архетипов в русских народных сказках	28
Крипиневич С.С. Правовая определенность и формализация в совершенствовании уголовно-процессуальной формы	45
Плешанов А.Г. К вопросу о критериях нормативного закрепления специальных полномочий представителя в цивилистическом процессе	56
Англоязычные метаданные	75

Contents

Chabukiani O.A., Makarova E.N. Surrender: forms of fixation and rules of use in the process of investigation and consideration of a criminal case	1
Starodubova O.E. The role of digital platforms in public administration	13
Popova I.E. Reflection of the main legal archetypes in Russian folk tales	28
Kripinevich S.S. Legal certainty and formalization in the improvement of the criminal procedure form	45
Pleshanov A.G. On the issue of the criteria for the normative consolidation of the special powers of a representative in the civil process	56
Metadata in english	75

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Чабукиани О.А., Макарова Е.Н. Явка с повинной: формы фиксации и правила использования в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела // Юридические исследования. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.12.72584 EDN: TNCTYJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72584

Явка с повинной: формы фиксации и правила использования в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела**Чабукиани Оксана Алексеевна**

ORCID: 0000-0003-0035-4469

доктор юридических наук

профессор; кафедра уголовного процесса; Санкт-Петербургский университет МВД РФ
профессор; кафедра уголовного процесса; Санкт-Петербургская академия Следственного комитета
Российской Федерации

191015, Россия, г. Санкт-Петербург, пр-т Лётчика Пилютова, 1, каб. 733

[✉ oksana_kartohina@mail.ru](mailto:oksana_kartohina@mail.ru)**Макарова Елена Николаевна**

ORCID: 0000-0002-6971-5405

кандидат юридических наук

заместитель начальника кафедры; кафедра специальной и автомобильной техники; Санкт-Петербургский университет МВД РФ

198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1, каб. 728

[✉ makarova_elena78@bk.ru](mailto:makarova_elena78@bk.ru)[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок."](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2024.12.72584

EDN:

TNCTYJ

Дата направления статьи в редакцию:

02-12-2024

Дата публикации:

09-12-2024

Аннотация: Предметом исследования является уголовно-процессуальное законодательство, определяющее явку с повинной как повод для возбуждения уголовного дела и доказательство виновности лица, сообщившего о совершенном им или в соучастии с ним общественно опасного деяния, а также порядок получения таких сведений органами уголовного преследования. Объектом исследования являются доктринальное понимание явки с повинной, процессуальные отношения, возникающие между лицом, сообщающим о факте совершенного им либо в соучастии с ним преступления, защитником и сотрудником органа уголовного преследования при получении повода для возбуждения уголовного дела или показаний подозреваемого, судебная практика признания явки с повинной как доказательства по уголовному делу. Цель исследования – определить тенденции правоприменительной практики и рассмотреть возможность использования явки с повинной в качестве доказательства по уголовному делу. Методами исследования выступают метод анализа (при изучении обзоров апелляционных и кассационных судов в части признания отсутствия защитника при получении явки с повинной недопустимым доказательством по уголовному делу; метод обобщения (при формулировании выводов о формах фиксации факта совершения лицом, обратившимся в правоохранительные органы, преступления). Анализ решений кассационных и апелляционных инстанций в части признания нарушения права на защиту в момент сообщения лицом о совершенном им преступлении породил необходимость анализа форм явки с повинной, а также выяснение правоприменительной практики использования явки как доказательства виновности лица. Выявленные формы и способы доведения лицом факта совершенного общественно опасного деяния не позволяют гарантировать во всех случаях своевременность приглашения защитника (например, сообщение виновником ДТП о факте наезда на пешехода с последующей явкой в органы уголовного преследования). Учитывая все разнообразие таких обращений, а также соблюдая конституционные права, предлагаем считать во всех случаях смягчающим обстоятельством информирование правоохранительных органов и явку к органам уголовного преследования, не зависимо от того, будет ли признана в последующем явка с повинной недопустимым доказательством по уголовному делу.

Ключевые слова:

явка с повинной, возбуждение уголовного дела, смягчающие обстоятельства, доказательство, недопустимое доказательство, защитник, сообщение о преступлении, доказательство вины, показания, право на защиту

Одним из элементов реализации права на защиту является право на самоизобличение путем сообщения о факте совершения общественно опасного деяния в правоохранительные органы.

Верховный Суд Российской Федерации в постановлении Пленума от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего права на защиту в уголовном судопроизводстве» при разъяснении элементов права на защиту не дал пояснений по ряду существенных положений, позволяющих реализовать построение согласованной позиции защиты. Однако частично такие критерии были прописаны Верховным Судом Российской Федерации только через год в Постановлении «О судебном приговоре» от 29 ноября 2016 г. № 55. Так, если сторона обвинения ссылается на заявление о явке с повинной как на одно из доказательств виновности подсудимого, то суду надлежит проверить факт разъяснения права не свидетельствовать против себя

самого, пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования и была ли обеспечена возможность реализации данных прав. Важность разъяснения прав и негативные последствия их умалчивания связаны с высказанной ранее позицией Конституционного Суда Российской Федерации о том, что явка с повинной фактически рассматривается в качестве показаний, в связи с чем на них распространяются положения п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ (например, Определение от 20 октября 2005 г. № 391-О «Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства Подгузова Василия Романовича о разъяснении определения Конституционного Суда Российской Федерации от 14 октября 2004 г. № 326-О»).

Правоприменительная практика не однозначна, суды по-разному подходят к разрешению вопроса об использовании явки с повинной в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела [3; 12]. При подготовке настоящей статьи были изучены обзоры всех кассационных инстанций судов общей юрисдикции и выявлены решения, в выводах которых отсутствие защитника при сообщении факта совершения преступления расценивалось как существенное нарушение права на защиту.

Анализ обзоров практики кассационных судов общей юрисдикции о признании существенным нарушением права на защиту отсутствие защитника при явке с повинным натолкнул на ряд вопросов (например, Обзор практики по уголовным делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции за первый квартал 2021 г. или Обзоры практики по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции за второй и четвертый квартал 2023 г.): можно ли расширительно толковать любое добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении явкой с повинной? в каких случаях явка с повинной — это повод для возбуждения уголовного дела, а в каких — для отказа в возбуждении уголовного дела? каковы условия признания явки с повинной доказательством по уголовному делу? влечет ли отказ от ранее данных показаний исключение законности возбуждения уголовного дела или возможности признания в посткриминальном поведении подсудимого наличие обстоятельства, смягчающего наказание (п. «и» ч.1 ст. 61 УК РФ)?

Прежде чем ответить на эти вопросы обратимся к классической доктрине уголовного процесса и определим, что понимается в теории под явкой с повинной.

В рамках уголовного процесса природой явки с повинной и условия возможности ее использования в качестве доказательства исследовали: Н.В. Азаренок, О.А. Антонов, А.В. Бирюкова, В.М. Быков, Н.И. Быховец, В.Н. Григорьев, Н.В. Жогин, М.А. Классен В.А. Лазарева, М.В. Лапатникова, Н.А. Моругина, Н.Е. Павлов, Е.А. Пахомовская В.С. Супрун, Ф.Н. Фаткулин, В.С. Шадрин, В.С. Чубыкин и другие. В своих работах авторы рассматривали возможность использования явки с повинной либо исключительно как повод для возбуждения уголовного дела, либо как повод и доказательство виновности, как повод и возможное доказательство сторон уголовного судопроизводства, как "иное доказательство" на усмотрение субъекта, в производстве которого находится уголовное дело.

Обобщая мнения ученых, можно констатировать, что в абсолютном большинстве исследований указывается законодательная терминология, что явка с повинной — это когда лицо в устном или письменном виде добровольно сообщает органу, имеющему право на осуществление уголовного преследования, о совершенном им или с его участием преступлении [6, с. 171]. Однако в своих рассуждениях о возможности использования полученных сведений авторы разделяются на несколько направлений. Наиболее значимыми являются следующие: добровольное сообщение лицом о

совершенном им преступлении в правоохранительные органы, наделенные правом осуществлять расследование, может рассматриваться как повод для возбуждения уголовного дела [9, с. 119], как факт признания своей вины и готовность претерпеть ограничения, связанные с привлечением к уголовной ответственности, и может сопровождаться активными действиями, направленными на помочь в расследовании [2, с. 13], возмещение вреда потерпевшему либо примирение с ним [4, с. 64].

Добровольность может рассматриваться в нескольких аспектах: во-первых, как инициатива лица сообщить о совершенном им деянии еще до того, как правоохранительным органам стало известно о совершенном преступлении (повод для возбуждения уголовного дела), либо до установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (основание для возобновления приостановленного в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ предварительного расследования). В данном подходе принципиальной является позиция, понимает ли лицо об информированности правоохранительных органов о факте совершенного им деяния. Сложность представляют случаи, когда своевременное сообщение связано с возможностью освобождения от уголовной ответственности. Например, при ограничении конкуренции (ст. 178 УК РФ), когда один из соучастников первым добровольно сообщает о преступлении (примечание 3 к ст. 178 УК РФ), оказывая противоправное влияние на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ст. 184 УК РФ), добровольно сообщает об этом в орган, имеющий право возбудить уголовное дело (примечание 2 к ст. 184 УК РФ), добровольно сдает предмет преступления (примечание 4 к ст. 200.1 УК РФ, 228 и др. УК РФ), своевременно информирует правоохранительные органы, тем самым предотвращает наступление общественно опасных последствий (примечание 2 к ст. 2005 УК РФ, примечание 2 к ст. 204 УК РФ, примечания к ст. ст. 204.1 и 204.2 УК РФ, примечания к ст. ст. 205, 205.1, 205.3, 205.4 УК РФ) и т.д. В таких случаях лицо рассчитывает на то, что будет освобождено от уголовной ответственности без начала предварительного расследования. Вместе с тем в силу ч. 2 ст. 28 УК РФ возможность прекращения уголовного преследования лица при наличии случаев, специально предусмотренных статьями Особенной части УК РФ допускается по правилам деятельного раскаяния, т.е. после возбуждения уголовного дела, установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, получения необходимых согласительных резолюций и отсутствии возражений, и исключительно на усмотрение властного субъекта, в производстве которого находится уголовное дело. Но в соответствии с позицией Верховного Суда Российской Федерации (Обзор судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: утвержден Президиумом Верховного Совета Российской Федерации 26 июня 2024 г.) освобождение от уголовной ответственности в специально предусмотренных случаях «представляет собой императивную норму, применение которой является обязательным не зависимым от усмотрения дознавателя, следователя или суда». Тем более при пресечении наступления общественно опасных последствий в результате своевременного информирования о факте совершения преступления, гарантия освобождения от уголовной ответственности как раз и является поводом позитивного посткриминального поведения. Распространение правил порядка прекращения в связи с деятельным раскаянием делает такое обращение в правоохранительные органы нецелесообразным. Поэтому следственная практика идет по иному пути, а именно — путем отказа в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в деянии состава преступления. Т.е. в данном случае явка с повинной свидетельствует об отсутствии умысла на продолжение преступных действий, добровольном отказе от доведения преступления до конца при фактической возможности

завершения деяния.

Поэтому такой отказ должен последовать после рассмотрения сообщения о явке с повинной. Отсюда возникает еще один вопрос: каковы формы такого сообщения? Ответ на него, по нашему мнению, имеет существенное значение для последующего признания показаний допустимыми. Многие называют одним из важных критериев оформления явки с повинной — добровольность. Но тогда почему оставление места дорожно-транспортного происшествия является квалифицирующим видом при совершении преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (например, п. «б» ч. 2, п. «б» ч. 3 и п. «б» ч. 4 ст. 264 УК РФ), либо самостоятельным составом «Оставление в опасности» (ст. 125 УК РФ)? Анализ норм материального права показывает, что умалчивание лицом о совершении деяния, которое может привести к общественно опасным последствиям, образует самостоятельный состав. Отсюда ставится под сомнение тот факт, что всякое ли сообщение лицом о совершенном им преступлении является явкой с повинной? Практика в данном случае не достигла единобразия. Некоторые суды признают факт сообщения информации о ДТП — основанием смягчения наказания и расценивают такой факт как явку с повинной. Так, приговором Михайловского районного суда Алтайского края гр. Ш. был осужден за управление автомобилем в состоянии алкогольного опьянения. В ходе апелляционного пересмотра приговор был изменен, так как в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, была признана явка с повинной в виде обращения лица к сотрудникам ДПС в устной форме о совершенном наезде на пешехода и предоставление им своего автотранспортного средства (апелляционное постановление от 9 октября 2020 г. № 22-4238/2020) [\[1, с. 172-173\]](#).

Также возникает вопрос о допустимости сообщения о совершенном лицом преступлении в социальных сетях или мессенджерах, направление соответствующих сведений по электронной почте [\[8, с. 189-190\]](#). Согласны с Е. А. Пахомовой, что только направление сообщения на официальный адрес электронной почты правоохранительных органов с последующей добровольной сдачей сотрудникам органов уголовного преследования может приравниваться к явке с повинной.

Таким образом, формами явки с повинной являются сообщение лицом о совершенном им или в соучастии с ним преступлении: 1) устно, непосредственно явившись к сотрудникам правоохранительных органов; 2) устно, путем сообщения сведений сотрудникам правоохранительных органов при помощи технических средств, с последующей явкой в органы уголовного преследования; 3) письменно, путем направления соответствующей информации, в том числе посредством технических средств связи, с последующей явкой в органы уголовного преследования; 4) письменно непосредственно в правоохранительных органах.

Разнообразие форм ставит под сомнение имеющиеся тенденции и законопроекты (например, законопроект № 631546-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о совершенствовании порядка добровольного сообщения лица о совершенном им преступлении)», в рамках которых предлагается предусмотреть в обязательном порядке участие защитника при сообщении о преступлении [\[10\]](#), в том числе предложения о видеозаписи такого обращения).

Как повод для возбуждения уголовного дела явка с повинной, по нашему мнению, не должна зависеть от получения лицом квалифицированной юридической помощи перед таким сообщением правоохранительным органам либо разъяснения ему прав, в том

числе не свидетельствовать против себя. Ведь именно возможность своевременного оказания помощи потерпевшему, исключение ужесточения ответственности или уменьшение последствий общественно опасного деяния побуждает лицо обратиться в правоохранительные органы. Сам факт предоставления такой информации должен являться основанием для смягчения наказания не зависимо от того, откажется ли подозреваемый, обвиняемый, подсудимый в последующем от своих показаний или нет [\[7, с. 76\]](#), имеет ли полученная явка процессуальные нарушения или нет [\[11\]](#). А вот возможность использования явки с повинной как доказательства по уголовному делу должна быть оценена с точки зрения допустимости, достоверности и относимости. Согласны с В. А. Лазаревой, что лишь при условии подтверждения лицом своего признания, явка с повинной может быть признана доказательством в качестве «иного документа». «В противном случае представленные статьей 75 УПК РФ гарантии обесмысливаются» [\[5, с. 234-235\]](#), так как допрос может быть подменен показаниями, полученными вне законной процедуры.

Учитывая вышеизложенное считаем возможным следующим образом ответить на поставленные вначале статьи вопросы:

- можно ли расширительно толковать любое добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении явкой с повинной? Да, любое сообщение в правоохранительные органы о факте совершения лицом преступления должно иметь положительные последствия и стимулировать позитивное посткриминальное поведение, а значит – расцениваться как явка с повинной;
- в каких случаях явка с повинной будет рассматриваться как повод для возбуждения уголовного дела? Во всех случаях, за исключением специально предусмотренных примечаниями статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, когда правоохранительные органы не знали о факте совершения общественно опасного деяния и сведения о таковом им не поступали из иных источников;
- в каких случаях явка с повинной – основание для отказа в возбуждении уголовного дела? В случаях, специально предусмотренных примечаниями статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, при условии своевременности информирования и отсутствия в действиях явившегося лица иного состава преступления;
- каковы условия признания явки с повинной доказательством по уголовному делу? Во всех случаях соблюдения требований получения показаний подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, в том числе права на защиту и разъяснения права на самоизобличение;
- влечет ли отказ от ранее данных показаний исключение законности возбуждения уголовного дела? Нет, не влечет, так как это лишь основание признания невозможным использования явки с повинной как доказательства вины;
- влечет ли отказ от данной явки с повинной возможность признания в посткриминальном поведении подсудимого наличие обстоятельства, смягчающего наказание (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ)? Да, влечет, при условии достоверно установленного факта совершения преступления данным лицом. Смягчающее обстоятельство судом должно быть учтено, так как в любом случае полученная информация повлияла на ход и скорость расследования и разрешения уголовного дела.

Библиография

1. Антонов, О. А. Явка с повинной при транспортных преступлениях / О. А. Антонов // Транспортное право и безопасность. — 2021. — № 4 (40). — С. 168–174.
2. Бондаренко, Н. С. Явка с повинной как обстоятельство, смягчающее наказание / Н. С. Бондаренко // Правовые проблемы укрепления российской государственности : Сборник статей, Томск, 26–28 января 2023 года. – Томск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2023. – С. 12–14.
3. Донцов, А. В. Явка с повинной как смягчающее наказание обстоятельство: типичные ошибки / А. В. Донцов // Применение Конституции Российской Федерации в судебной деятельности: проблемы теории и практики: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 16 ноября 2023 года. – Москва: РГ-Пресс, 2024. – С. 191–197.
4. Григорьев, В. Н., Терехов, А. Ю., Терехов, М. Ю. Научный комментарий некоторых обстоятельств явки с повинной / В. Н. Григорьев, А. Ю. Терехов, М. Ю. Терехов // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2015. — № 2(33). — С. 63–70.
5. Лазарева, В. А. О некоторых обвинительных тенденциях в судебной практике и эманципации процессуальной формы доказательств / В. А. Лазарева // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения» (к 5-летию УПК РФ). — Москва, 2007. — С. 230–238.
6. Лапатников, М. В. Явка с повинной как аргумент виновности лица в уголовном судопроизводстве / М. В. Лапатников // Юридическая техника. — 2013. № 7 (ч. 1). — С. 170–172.
7. Лапатников, М. В., Шаутаева Г. Х. Явка с повинной как доказательство в уголовном процессе / М. В. Лапатников, Г. Х. Шаутаева // Уголовный процесс. — 2022. — № 1 (205). — С. 74–82.
8. Пахомова, Е. А. Явка с повинной в цифровых реалиях: к вопросу о новых возможностях / Е. А. Пахомова // Перспективные научные исследования: опыт, проблемы и перспективы развития : Сборник научных статей по материалам X Международной научно-практической конференции, Уфа, 04 апреля 2023 г. Том Часть 2. — Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр "Вестник науки"», 2023. — С. 189–192.
9. Смолькова, И. В. Является ли явка с повинной признанием обвиняемым своей вины? / И. В. Смолькова // Судебная власть и уголовный процесс. — 2017. — № 3. — С. 114–119.
10. Супрун, С. В. Явка с повинной в органах внутренних дел и перспективы ее развития в уголовном судопроизводстве / С. В. Супрун // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития : Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 27 ноября 2020 г. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. — С. 312–315.
11. Хайдаров, А. А. Явка с повинной: допустимость и признание в качестве смягчающего наказание обстоятельства / А. А. Хайдаров // Уголовный процесс. – 2020. – № 1(181). – С. 50–52.
12. Шадрин, В. С., Чубыкин, А. В. Явка с повинной: предпосылки и проблемы использования в доказывании по уголовным делам / В. С. Шадрин, А. В. Чубыкин // Уголовное право. – 2021. – № 11(135). – С. 57–64

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, явка с повинной. Автор сосредоточил свое внимание на анализе форм ее фиксации и правил использования в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела. Заявленные границы исследования соблюдены ученым. Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Одним из элементов реализации права на защиту является право на самоизобличение путем сообщения факта совершения общественно опасного деяния в правоохранительные органы. Верховный Суд Российской Федерации в постановлении Пленума от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего права на защиту в уголовном судопроизводстве» при разъяснении элементов права на защиту не дал пояснений по ряду существенных положений, позволяющих реализовать построение согласованной позиции защиты. Однако частично такие критерии были прописаны Верховным Судом Российской Федерации только через год в Постановлении «О судебном приговоре» от 29 ноября 2016 г. № 55. Так, если сторона обвинения ссылается на заявление о явке с повинной как на одно из доказательств виновности подсудимого, то суду надлежит проверить факт разъяснения права не свидетельствовать против себя самого, пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования и была ли обеспечена возможность реализации данных прав. Важность разъяснения прав и негативные последствия их умалчивания связаны с высказанной ранее позицией Конституционным Судом Российской Федерации о том, что явка с повинной фактически рассматривается в качестве показаний, в связи с чем на них распространяются положения п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ (например, Определение от 20 октября 2005 г. № 391-О «Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства Подгузова Василия Романовича о разъяснении определения Конституционного Суда Российской Федерации от 14 октября 2004 г. № 3260»). Правоприменительная практика не однозначна, судьи по-разному подходят к разрешению вопроса об использовании явки с повинной в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела [3; 12]" и др. Дополнительно ученым необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Сложность представляют случаи, когда своевременное сообщение связано с возможностью освобождения от уголовной ответственности. Например, при ограничении конкуренции (ст. 178 УК РФ), когда один из соучастников первым добровольно сообщает о преступлении (примечание 3 к ст. 178 УК РФ), оказывая противоправное влияние на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ст. 184 УК РФ), добровольно сообщает об этом в орган, имеющий право возбудить уголовное дело (примечание 2 к ст. 184 УК РФ), добровольно сдает предмет преступления (примечание 4 к ст. 2001 УК РФ, 228 и др. УК РФ), своевременно информирует правоохранительные органы, тем самым предотвращает наступление общественно опасных последствий (примечание 2 к ст. 2005 УК РФ, примечание 2 к ст. 204 УК РФ, примечания к ст. ст. 2041 и 2042 УК РФ, примечания к ст. ст. 205, 2051, 2053, 2054 УК РФ) и т.д. В таких случаях лицо рассчитывает на то, что будет освобождено от уголовной ответственности без начала предварительного

расследования. Вместе с тем в силу ч. 2 ст. 28 УК РФ возможность прекращения уголовного преследования лица при наличии случаев, специально предусмотренных статьями Особенной части УК РФ допускается по правилам деятельного раскаяния, т.е. после возбуждения уголовного дела, установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, получения необходимых согласительных резолюций и отсутствии возражений, и исключительно на усмотрение властного субъекта, в производстве которого находится уголовное дело. Но в соответствии с позицией Верховного Суда Российской Федерации (Обзор судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: утвержден Президиумом Верховного Совета Российской Федерации 26 июня 2024 г.) освобождение от уголовной ответственности в специально предусмотренных случаях «представляет собой императивную норму, применение которой является обязательным не зависимым от усмотрения дознавателя, следователя или суда». Тем более при пресечении наступления общественно опасных последствий при своевременном информировании о факте совершения преступления гарантия освобождения от уголовной ответственности как раз и является поводом позитивного посткриминального поведения. Распространение правил порядка прекращения в связи с деятельным раскаянием делает такое обращение в правоохранительные органы нецелесообразным. Поэтому следственная практика идет по иному пути, а именно — путем отказа в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в деянии состава преступления. Т.е. в данном случае явка с повинной свидетельствует об отсутствии умысла на продолжение преступных действий, добровольном отказе от доведения преступления до конца при фактической возможности завершения деяния. Поэтому такой отказ должен последователь после рассмотрения сообщения о явке с повинной"; "Таким образом, формами явки с повинной являются сообщение лицом о совершенном им или в соучастии с ним преступлении: 1) устно непосредственно явившись к сотрудникам правоохранительных органов; 2) устно путем сообщения сведений сотрудникам правоохранительных органов при помощи технических средств с последующей явкой в органы уголовного преследования; 3) письменно, путем направления соответствующей информации, в том числе посредством технических средств связи, с последующей явкой в органы уголовного преследования; 4) письменно непосредственно в правоохранительных органах" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует сущность явки с повинной, исследует ее формы, выявляет соответствующие правоприменительные проблемы и предлагает пути их решения. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Одним из элементов реализации права на защиту является право на самоизобличение путем сообщения факта совершения общественно опасного деяния в правоохранительные органы" - "сообщения о факте".

Ученый отмечает: "Важность разъяснения прав и негативные последствия их умалчивания связаны с высказанный ранее позицией Конституционным Судом Российской Федерации ..." - "Важность разъяснения прав и негативные последствия их умалчивания связаны с высказанный ранее позицией Конституционного Суда Российской Федерации ...".

Автор указывает: "В абсолютном большинстве исследований указывается, что явка с повинной это когда лицо в устном или письменном виде добровольно сообщает органу, имеющему право на осуществление уголовного преследования, о совершенном им или с его участием преступлении [6, с. 171]" - "В абсолютном большинстве исследований указывается, что явка с повинной - это когда лицо в устном или письменном виде добровольно сообщает органу, имеющему право на осуществление уголовного преследования, о совершенном им или с его участием преступлении [6, с. 171]".

Ученый пишет: "Поэтому такой отказ должен последовать после рассмотрения сообщения о явке с повинной" - "последовать".

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки, орфографические, пунктуационные и стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 12 источниками (научными статьями). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (С. В. Супрун и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Учитывая вышеизложенное считаем возможным следующим образом ответить на поставленные вначале статьи вопросы:

- можно ли расширительно толковать любое добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении явкой с повинной? Да, любое сообщение в правоохранительные органы о факте совершения лицом преступления должно иметь положительные последствия и стимулировать позитивное посткриминальное поведение, а значит – расцениваться как явка с повинной;
- в каких случаях явка с повинной будет рассматриваться как повод для возбуждения уголовного дела? Во всех случаях, за исключением специально предусмотренных примечаниями статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, когда правоохранительные органы не знали о факте совершения общественно опасного деяния и сведения о таковом им не поступали из иных источников; - в каких случаях явка с повинной – основание для отказа в возбуждении уголовного дела? В случаях, специально предусмотренных примечаниями статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, при условии своевременности информирования и отсутствия в деяниях явившегося иного состава преступления; - каковы условия признания явки с повинной доказательством по уголовному делу? Во всех случаях соблюдения требований получения показаний подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, в том числе права на защиту и разъяснения права на самоизобличение; - влечет ли отказ от ранее данных показаний исключение законности возбуждения уголовного дела? Нет, не влечет, так как это лишь основание признания невозможным использования явки с повинной как доказательства вины;
- влечет ли отказ от ранее данной явки с повинной возможность признания в посткриминальном поведении подсудимого наличие обстоятельства, смягчающего наказание (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ)? Да, влечет при условии достоверно установленного факта совершения преступления данным лицом. Смягчающее обстоятельство судом должно быть учтено, так как в любом случае полученная информация повлияла на ход и скорость расследования и разрешения уголовного дела"), они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может

быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права и уголовного процесса при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Явка с повинной: формы фиксации и правила использования в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела» предметом исследования являются нормы права, регулирующие общественные отношения в сфере самоизобличение путем сообщения о факте совершения общественно опасного деяния в правоохранительные органы.

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Применение современных методов научного познания (в частности, теоретико-юридический, правового моделирования и др.) позволило автору сформировать собственную аргументированную позицию по заявленной проблематике.

Актуальность исследования. Актуальность темы исследования не вызывает сомнения. Общепризнанным является положение о том, что «одним из элементов реализации права на защиту является право на самоизобличение путем сообщения о факте совершения общественно опасного деяния в правоохранительные органы». Однако, сложности в правоприменительной практике при явке с повинной связаны с тем, что «если сторона обвинения ссылается на заявление о явке с повинной как на одно из доказательств виновности подсудимого, то суду надлежит проверить факт разъяснения права не свидетельствовать против себя самого, пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования и была ли обеспечена возможность реализации данных прав».

Доктринальные разработки по данной проблематике необходимы для совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства и практики его применения.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье сформулированы положения, которые можно было бы считать вкладом в юридическую науку: например, «Как повод для возбуждения уголовного дела явка с повинной, по нашему мнению, не должна зависеть от получения лицом квалифицированной юридической помощи перед таким сообщением правоохранительным органам либо разъяснения ему прав, в том числе не свидетельствовать против себя. Ведь именно возможность своевременного оказания помощи потерпевшему, исключение ужесточения ответственности или уменьшение последствий общественно опасного деяния побуждает лицо обратиться в правоохранительные органы». В статье содержатся и другие положения, отличающиеся научной новизной и имеющие практическую значимость, которые можно расценить как вклад в отечественную доктрину.

Стиль, структура, содержание. Тема раскрыта, содержание статьи соответствует ее названию. Соблюдены автором требования по объему материала. Статья написана научным стилем, использована специальная юридическая терминология. Статья структурирована. Материал изложен последовательно, грамотно и ясно. Автор не только

обозначает существующие проблемы в законодательстве и правоприменительной практике в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела при явке с повинной, но и предлагает свои решения, которые заслуживают внимания. Замечаний по содержанию нет.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников. Ссылки на источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. По спорным вопросам заявленной тематики представлена научная дискуссия, обращения к оппонентам корректные. Все заимствования оформлены ссылками на автора и источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «Явка с повинной: формы фиксации и правила использования в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела» рекомендуется к опубликованию. Статья соответствует тематике журнала «Юридические исследования». Статья написана на актуальную тему, отличается научной новизной и имеет практическую значимость. Данная статья могла бы представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области конституционного права, уголовного права, уголовно-процессуального права, а также, могла бы быть полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Стародубова О.Е. Роль цифровых платформ в государственном управлении // Юридические исследования. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.12.72604 EDN: VDHCRH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72604

Роль цифровых платформ в государственном управлении**Стародубова Олеся Евгеньевна**

Научный сотрудник; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, 34, каб. 203

✉ olesyastarodubova@gmail.com

[Статья из рубрики "Трансформация правовых систем"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2024.12.72604

EDN:

VDHCRH

Дата направления статьи в редакцию:

05-12-2024

Дата публикации:

12-12-2024

Аннотация: Объектом исследования являются общественные отношения в сфере государственного управления. Предмет исследования составляет совокупность норм административного и информационного права, регламентирующих отношения, возникающие в процессе цифровой трансформации государственного управления, а также создания и функционирования цифровых платформ. Автором рассмотрены различные подходы к определению государственного управления, проанализировано влияние цифровизации на качество государственного управления. Отмечено стратегическое значение цифровых платформ – неотъемлемого элемента цифровой трансформации государственного управления как национальной цели развития России, способствующего повышению его эффективности и удовлетворенности граждан качеством предоставляемых услуг в электронном виде. Освещены отдельные законодательные инициативы в области функционирования цифровых платформ. Проанализированы законодательные новеллы в области защиты персональных данных.

Приведены тренды информационной безопасности. Методологическую основу данного исследования составили формально-юридический метод при изучении нормативной правовой базы и проектируемого регулирования в сфере платформизации государственного управления, а также общенаучные методы анализа и обобщения. Основными выводами проведенного исследования являются утверждения о начале перехода на платформенную модель государственного управления, необходимости реализации дополнительного комплекса мер правового, организационного и технологического характера в связи с данными процессами, построения корректного понятийно-категориального аппарата. Функционирование единой цифровой платформы "ГосТех" и перевод на нее государственных информационных систем требуют дальнейшей корректировки правового регулирования и выработки новых решений, способствующих нивелированию существующих проблемных аспектов функционирования государственных информационных систем. Цифровые платформы в сфере государственного управления как технологические комплексы должны упрощать процессы взаимодействия государства с гражданами, бизнес-сообществом, государственными органами между собой и способствовать экономическому росту, а не способствовать возникновению дополнительных финансовых и административных барьеров.

Ключевые слова:

цифровая платформа, государственное управление, цифровая трансформация, ГосТех, персональные данные, информационная безопасность, национальные цели развития, государственные информационные системы, платформизация, цифровизация

Стремительное развитие информационных технологий привело к росту цифровых сервисов в государственном управлении. Цифровая трансформация не ограничивается только лишь внедрением цифровых технологий, а приводит к повышению эффективности государственного управления под влиянием цифровизации [\[1, с. XIV; 2, с. 167\]](#).

Платформизация – ключевой тренд цифровой трансформации государственного управления. Активное внедрение платформенной модели способствует сокращению издержек, повышению открытости, автоматизации рутинных процессов, упрощению процессов межведомственного взаимодействия, появлению новых моделей деятельности.

Актуальность обозначенной тематики подтверждается интересом со стороны научного сообщества. Отдельные аспекты функционирования цифровых платформ ранее были затронуты в исследованиях ведущих ученых-правоведов в сфере государственного управления и правового регулирования цифровых технологий (В.Н. Южакова, Е.И. Добролюбовой, Л.К. Терещенко, А.В. Минбалиева, А.А. Ефремова, Э.В. Талапиной, Э.Л Сидоренко и др.), однако, касались частных вопросов применения технологий искусственного интеллекта, оптимизации работы государственных информационных систем, повышения открытости государственного управления, проблем защиты прав пользователей, эффективности государственных услуг и др. Большинство обозначенных исследований проводилось в период «Цифровой экономики», вместе с тем в условиях перехода к «Экономике данных» общественные отношения в сфере государственного управления активно развиваются вследствие массового внедрения цифровых платформ и требуют дальнейшего переосмысления проблематики, что и послужило импульсом к

подготовке данной работы.

Методологическую основу данного исследования составили формально-юридический метод (при изучении нормативной правовой базы и проектируемого регулирования в сфере платформизации государственного управления), а также общенаучные методы анализа (при обработке статистических данных об оценке гражданами влияния цифровизации на качество государственного управления и о нарушениях в сфере информационной безопасности) и обобщения (при формулировании выводов о направлениях дальнейшего совершенствования правового регулирования цифровых платформ в условиях их возрастающей роли в государственном управлении).

Современный этап развития государственного управления соответствует типу – *transformational government* – второй стадии развития электронного правительства [\[3, с. 139; 4, с. 90; 5, с. 71\]](#). Участие гражданского общества в государственном управлении способствуют более эффективному общественному контролю.

Государственное управление традиционно рассматривается в отечественной науке в широком и узком смыслах. В широком смысле – это исполнительно-распорядительная деятельность органов государственного управления, а также деятельность управленческого характера иных органов государственной власти, суда и прокуратуры. В узком – деятельность органов государства, которые в Конституции Российской Федерации характеризуются как органы государственного управления – органов исполнительной власти. В действующем законодательстве нашло отражение широкое толкование – под государственным управлением в соответствии с Федеральным законом от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» понимается деятельность органов государственной власти по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Как справедливо отмечается Б.В. Россинским, «управление включает в себя не только принятие управленческого решения, но и осуществление непосредственного управленческого воздействия на объект управления, т.е. исполнение принятого решения» [\[6, с. 9\]](#). Государственное управление выражается в разнообразных формах, в том числе путем издания различных актов управления, обеспечения их исполнения, осуществления разрешительной деятельности, применения мер административного принуждения и назначения административного наказания.

Экспертами ООН в 1970 году государственное управление было определено как «процесс достижения национальных целей и задач через государственные организации». В качестве положительных аспектов данного определения научным сообществом отмечается ориентация на общественно значимый конечный результат – достижение национальных целей и задач [\[7, с. 27; 8, с. 33\]](#). Представляется, что внедрение цифровых платформ может способствовать повышению качества государственного управления в части воздействия на критерий его эффективности за счет минимизации издержек граждан и публично-правовых образований при взаимодействии.

Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» обозначена в качестве национальной цели развития Российской Федерации. О достижении данной цели будет свидетельствовать выполнение целевых показателей и задач, которые условно можно объединить в тематические блоки:

1. Управление на основе данных и создание единых отраслевых цифровых платформ:

- достижение к 2030 году «цифровой зрелости» государственного и муниципального управления, ключевых отраслей экономики и социальной сферы - автоматизация большей части транзакций в рамках единых отраслевых цифровых платформ и модели управления на основе данных с учетом ускоренного внедрения технологий обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта;
- формирование рынка данных, их активное вовлечение в хозяйственный оборот, хранение, обмен и защита;
- увеличение к 2030 году до 99 процентов доли предоставления массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронной форме, в том числе внедрение системы поддержки принятия решений в рамках предоставления не менее чем 100 массовых социально значимых государственных услуг в электронной форме в проактивном режиме или при непосредственном обращении заявителя, за счет внедрения в деятельность органов государственной власти единой цифровой платформы;

2. Ликвидация цифрового неравенства:

- увеличение доли домохозяйств, которым обеспечена возможность качественного высокоскоростного широкополосного доступа к сети «Интернет» до 97 процентов к 2030 году и до 99 процентов к 2036 году;

3. Импортозамещение в технологической сфере:

- обеспечение в 2025 - 2030 годах темпа роста инвестиций в отечественные решения в сфере информационных технологий вдвое выше темпа роста валового внутреннего продукта;
- переход к 2030 году не менее 80 процентов российских организаций ключевых отраслей экономики на использование базового и прикладного российского программного обеспечения в системах, обеспечивающих основные производственные иправленческие процессы;
- увеличение к 2030 году до 95 процентов доли использования российского программного обеспечения в государственных органах, государственных корпорациях, государственных компаниях;

4. Эффективная кадровая политика:

- формирование системы подбора, развития и ротации кадров для органов государственной власти и органов местного самоуправления на основе принципов равных возможностей, приоритета профессиональных знаний и квалификаций, включая механизмы регулярной оценки и обратной связи в рамках единой цифровой платформы;
- обеспечение к 2030 году повышения уровня удовлетворенности граждан качеством работы государственных и муниципальных служащих и работников организаций социальной сферы не менее чем на 50 процентов;

5. Информационная безопасность:

- создание системы эффективного противодействия преступлениям, совершаемым с

использованием ИКТ, и снижения ущерба от их совершения;

- обеспечение сетевого суверенитета и информационной безопасности в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Целью стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления является обеспечение свободного, устойчивого, безопасного информационного взаимодействия между органами государственной власти Российской Федерации, гражданами, бизнес-сообществом, а также технологической независимости и безопасности критической инфраструктуры. В качестве одного из приоритетов обозначен переход органов власти Российской Федерации на федеральном и региональном уровнях к модели управления на основе автоматического сбора и анализа данных с использованием информационных платформ (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.03.2024 № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления»).

Осенью 2024 г. на рассмотрение Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам был представлен блок национальных проектов по обеспечению технологического лидерства, среди них национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» (далее – национальный проект «Экономика данных»), в рамках которого планируется дальнейшее развитие цифровых платформ (Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 29.02.2024).

Реализация национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» начнется 1 января 2025 года и продлится до 2030 года. Он станет логическим продолжением национального проекта «Цифровая экономика», реализация которого завершается в 2024 году.

Национальный проект «Экономика данных» включает 8 профильных федеральных проектов. Вопросам цифровой трансформации государственного управления непосредственно посвящены проект «Цифровые платформы в отраслях социальной сферы», предусматривающий внедрение сервисов взаимодействия с гражданами без административных барьеров в целях повышения их доверия качеством предоставляемых услуг в электронном виде, и проект «Цифровое государственное управление», в рамках которого планируется дальнейший перевод государственных и муниципальных услуг в онлайн-формат, запуск и поддержка государственных сайтов и приложений.

В связи с этим можно сделать вывод о курсе государства на дальнейшую реализацию клиентоцентричной концепции как эффективного удовлетворения потребностей физических и юридических лиц при их взаимодействии с органами государственной власти. В настоящее время в России подход Lean Government (Бережливого правительства) находится в стадии становления [9, с. 11] - в регионах-лидерах цифровизации большинство услуг доступны в электронном формате, тогда как на федеральном уровне представлены лишь отдельные сервисы. В целом в 2024 году отмечается положительная динамика в оценке гражданами влияния цифровизации на качество государственного управления по сравнению с более ранними периодами [10, с. 101].

В условиях увеличения числа сведений, подлежащих закрытию в связи с

неблагоприятной геополитической обстановкой и обеспечением информационной безопасности, цифровые платформы, а именно их разновидность – социальные сети способствуют повышению транспарентности деятельности органов государственной власти, обязанных вести соответствующие страницы (Постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2022 № 2560 «Об утверждении Правил размещения государственными органами, органами местного самоуправления и подведомственными организациями информации на своих официальных страницах,...»).

В целях повышения эффективности реализации полномочий органов государственной власти и государственных внебюджетных фондов, осуществляемых с использованием государственных информационных систем, создана единая цифровая платформа Российской Федерации «ГосТех» (далее – платформа «ГосТех»). Ее появление обусловлено необходимостью нивелирования существующих проблемных аспектов функционирования государственных информационных систем (далее – ГИС): отсутствия единого подхода при создании ГИС, использование различных программно-аппаратных комплексов, что затрудняет возможность оптимизации расходов на их создание и дальнейшую интеграцию; обособленности и разобщенности данных, содержащихся в ГИС, что затрудняет их использование при принятии управленческих решений; отсутствия единой базы сведений об услугах, функциях и полномочиях органов государственной власти, что препятствует возможности объективной оценки их реализации (Отчет Счетной палаты Российской Федерации о результатах экспертизно-аналитического мероприятия «Оценка текущего состояния федеральных государственных информационных систем с точки зрения перспектив цифровизации государственного управления», 28.06.2022 г. // <https://ach.gov.ru/upload/iblock/684/рерпуцогияjfpxi8zvsvbpgzmdzl03uzk.pdf>).

Экспертами решение проблемы оптимизации затрат на создание и эксплуатацию ГИС видится за счет введения единых принципов правового регулирования и проектирования ГИС, ведения единого каталога цифровых продуктов и перехода всех ГИС на платформу «ГосТех» [\[11, с. 44\]](#).

Вместе с тем ранее запланированный массовый переход ГИС на платформу «ГосТех» не был осуществлен, что свидетельствует об определенных сложностях и требует более тщательной проработки вопросов улучшения работы ГИС.

Цифровые платформы открывают новые возможности для развития экономики в целом, отдельных отраслей, регионов и городов, для эффективного управления программами и национальными проектами.

В то же время нельзя не отметить образовавшийся правовой вакuum между актами стратегического планирования и действующим законодательством в условиях того, что в ряде сфер государственного управления активно внедряются цифровые платформы: контрольно-надзорной деятельности, оказания государственных и муниципальных услуг, нормотворчества, в том числе автоматизации отдельных элементов ведомственного нормотворчества (конструктор цифровых регламентов, позволяющий провести разработку, согласование и регистрацию машиночитаемых административных регламентов предоставления государственных и муниципальных услуг).

На сегодняшний день отсутствует легальное определение базовой категории цифровой трансформации – цифровой платформы. Минцифры России разработан проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологий и о защите информации», а также статью 15 Федерального

закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», предусматривающий наделение Правительства Российской Федерации полномочием по определению общих требований к разработке нормативных правовых актов, являющихся основанием создания ГИС и государственных цифровых платформ; уточнение понятия «информационная система» и критериев отнесения информационных систем к государственным; введение новых понятий в том числе «электронный сервис», «облачные услуги», «цифровая платформа» и «государственная цифровая платформа».

В частности, государственные цифровые платформы определены как «цифровые платформы, созданные на основании федеральных законов, законов субъектов Российской Федерации или нормативных правовых актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации либо нормативных правовых актов высшего должностного лица субъекта, высших исполнительных органов субъекта Российской Федерации, включающие в себя в качестве элементов государственные информационные системы и (или) компоненты инфраструктуры, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме, и предназначенные для цифровизации государственного (муниципального) управления в одной области деятельности государственных органов (органов местного самоуправления) и (или) публично-правовых образований». Приведенное определение представляется излишне детализированным, требующим корректировки на дальнейших стадиях законотворческого процесса.

Еще одним краеугольным камнем является баланс достаточности и защищенности данных. Данные — это фундамент цифровой трансформации и объект управления, требующий организованного процесса работы и квалифицированных специалистов, прозрачного механизма обезличивания и перевода в категорию больших данных. По данным Ассоциации больших данных рынок больших данных в России по состоянию на 2021 год составлял 170 млрд. рублей, к 2024 году он может увеличиться до 319 млрд. рублей (рост на 90%). При этом эффект от внедрения продуктов на основе больших данных составит 1 трлн. рублей.

Отчасти на решение обозначенной проблемы направлена новая редакция законопроекта Минцифры России об обезличенной информации, предусматривающего внесение изменений в Федеральный закон «О персональных данных». Предполагается создание государственной информационной системы, в которую коммерческие структуры будут предоставлять имеющиеся у них персональные данные для формирования датасетов.

Правительством Российской Федерации будут устанавливаться требования к пакетам данных и срокам их предоставления в ГИС, а также субъекты, обладающие правом доступа к датасетам и условия доступа (бесплатно или на платной основе). При этом не ясным остается вопрос об обязанности по обезличиванию персональных данных.

Бизнес-сообществом проектируемое регулирование воспринимается как «цифровой налог» в виде наборов персональных данных, также влекущий дополнительные издержки на приобретение сертифицированного программного обеспечения и средств защиты, поддержание необходимой инфраструктуры для работы с государственной информационной системой, риски возникновения государственной монополии работы с данными.

Проблема защиты данных не менее актуальна. В настоящее время подготовлены законодательные инициативы, способствующие повышению уровня информационной безопасности.

В частности, ФСТЭК России разработан законопроект, предполагающий внесение изменений в статью 13.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в части увеличения штрафов за несоблюдение требований по защите информации в информационных системах с 25 000 руб. до 100 000 руб. Ужесточение ответственности за использование ненадлежащих технических мер – использование несертифицированных систем, баз и банков данных, а также несертифицированных средств защиты информации, в том числе информации ограниченного доступа и составляющей государственную тайну.

Роскомнадзор выступил с инициативой об обязательном уведомлении его в случае, если владелец аккаунта занимается распространением информации - обязаны владельцев персональных страниц в социальных сетях, ежедневная аудитория которых составляет более 1 000 человек, передавать в Роскомнадзор сведения о себе (ФИО, контактную информацию). Данная инициатива призвана бороться с фейковыми страницами, запрещенной и фейковой информацией.

Законодательные новеллы об ужесточении ответственности за нарушение законодательства в сфере персональных данных (Федеральный закон от 30.11.2024 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», далее – Федеральный закон № 420-ФЗ) направлены на усиление мер по их защите от неправомерного доступа посредством введения оборотных штрафов за неправомерную передачу (предоставление, распространение, доступ) персональных данных, и установление уголовной ответственности за незаконное использование, передачу, сбор или хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а также создание или обеспечение функционирования информационных ресурсов для этих целей (Федеральный закон от 30.11.2024 № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»). Так, в зависимости от объемов «утечки» Федеральным законом № 420-ФЗ за повторное нарушение установлен штраф для юридических лиц в размере 1-3% от оборота, но не менее 15 млн.руб. и не более 500 млн. руб., тогда как в настоящее время штраф для компаний не превышает 100 000 руб. за первичное правонарушение и 300 000 руб. за повторное. Указанные изменения вступают в силу 30 мая 2025 г., что вызывает серьезные опасения у представителей бизнес-сообщества, так как может повлечь массовые банкротства представителей малого и среднего предпринимательства, на которые приходится более 62% от общего числа организаций, пострадавших от утечек информации (интернет-магазины, туристические компании, заведения общественного питания, форумы и др.).

Представляется, что столь жесткие меры вызваны общемировой тенденцией резкого роста количества «утечек» конфиденциальной информации после начала СВО. Экспертами отмечаются пиковые значения в первом полугодии 2023 года с последующим уменьшением в несколько раз к первому полугодию 2024 года, в том числе сокращение числа инцидентов неправомерного доступа к крупным базам персональных данных. В России, же напротив, в первом полугодии 2024 года отмечен рост «утечек» информации на 10%, а в области персональных данных на 33.8% по сравнению с тем же периодом в 2023 году, что вызвано, с одной стороны, геополитической обстановкой и активным противостоянием в киберпространстве, с другой – недостаточным вниманием к обеспечению информационной безопасности со стороны представителей государственного сектора и бизнес-сообщества. Усиление мер информационной

безопасности будет способствовать уменьшению количества "утечек" умышленного характера, доля которых составляет 99%.

Усиление указанных мер в государственных учреждениях и финансовых организациях демонстрируют сокращение числа утечек и неправомерного доступа, тогда как сферы ритейла и промышленности оказались особенно уязвимы – в феврале 2024 года произошла массовая «утечка» 54 млн. пользовательских профилей, включая персональные данные, адреса и пароли профилей на едином портале государственных услуг и в социальных сетях (данные приведены в соответствии с аналитическим отчетом «Утечки информации в мире и России за первое полугодие 2024 года» // <https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/utechki-informatsii-v-mire-i-rossii-za-pervoye-polugodiye-dve-tysyachi-dvadtsat-chetvertogo-goda.pdf>).

Альтернативой и примером мягкого регулирования можно назвать инициативы бизнес-сообщества по повышению уровня информационной безопасности. Компании Avito, «Вымпелком», Тинькофф банк и «Яндекс» подписали отраслевой стандарт защиты данных, определяющий стандарты хранения и защиты данных, а также предусматривающий ежегодный независимый аудит организации и управления защиты данных, политики защиты информации и плана мероприятий по противодействию угрозам информационной безопасности.

В качестве положительного опыта функционирования цифровых платформ в сфере государственного управления можно отметить повышение качества предоставления государственных услуг и сервисов гражданам, обеспечение равенства обращения и доступа к услугам, прозрачность взаимодействия, повышение результативности, существенная экономия ресурсов.

Вместе с тем наряду с сокращением традиционных трансакционных издержек взаимодействия (по сбору и обработке информации, принятию решений, контроля и т.д.) наблюдается возникновение новых – издержек институционализации в связи с необходимостью правового регулирования новых институциональных структур – цифровых платформ, их создания и надлежащего функционирования, поддержания обеспечивающей инфраструктуры.

Переход на платформенную модель государственного управления еще в процессе становления и требует реализации комплекса мер правового, организационного и технологического характера. Цифровая платформа как технологический комплекс на основе использования инфраструктуры хранения и передачи данных, анализа больших данных, цифровых технологий идентификации пользователя, применения искусственного интеллекта и иных прогрессивных технологий должна упрощать процессы взаимодействия государства с гражданами, бизнес-сообществом, государственными органами между собой и способствовать экономическому росту, а не создавать дополнительные финансовые и административные барьеры.

Библиография

1. Цифровая трансформация и государственное управление: научно-практическое пособие / А.С. Емельянов, А.А. Ефремов, А.В. Калмыкова и др.; ред. кол.: Л.К. Терещенко, А.С. Емельянов, Н.А. Поветкина. – Инфотропик Медиа, 2022. – 224 с.
2. Терещенко Л.К. Цифровые платформы: подходы к регулированию // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 9. С. 163-175.
3. Revyakin, S. A. & da Rocha, A. (2021). An Empirical Investigation of E-Government Adoption in Russia: Access, Rights, Trust and Citizens' Experience. Public Administration

- Issues, no 5 (Special Issue I, electronic edition), pp. 137–160 (in English). DOI: 10.17323/1999-5431-2021-0-5-137-160.
4. Ревякин С.А. Функциональность электронных платформ общественного участия: причем здесь социальные сети? // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2019. № 3. С. 88-106.
5. Дмитриева Н.Е., Минченко О.С., Рыльских Е.В. Цифровые платформы как субъект и объект регулирования, или как платформы изменяют систему госуправления // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 2. С. 60–84. DOI: 10.17323/1999-5431-2022-0-2-60-84.
6. Россинский Б.В. Развитие представлений о предмете административного права // Административное право и процесс. 2021. № 5.С. 9.
7. Положихина М.А. Организация государственного управления в современной России: структура, технологии, оценки. М., 2012. 294 с.
8. Талапина Э.В. Перспективы правового регулирования качества публичного управления // Административное право и процесс. – 2021. – Т № 11. – С. 33-36.
9. Цифровая трансформация в государственном управлении [Электронный ресурс] : коллект. моногр. / Н. Е. Дмитриева, А. Г. Санина, Е. М. Стырин и др.; под ред. Е. М. Стырина, Н. Е. Дмитриевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — Электрон. текст. дан. (2,3 МБ). — М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2023. — ISBN 978-5-7598-2831-0.
10. Южаков В.Н., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В., Старостина А.Н. Влияние цифровизации на качество государственного управления – через призму оценок граждан (на основе социологических опросов РАНХиГС 2022–2024 гг.) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 2. С. 85–109. DOI: 10.17323/1999-5431-2024-0-2-85-109
11. Иванов Н.Ю. Проблемы правового регулирования понятия и оценки эффективности государственных информационных систем // Юрист. 2024. № 2. С. 42-46. DOI: 10.18572/1812-3929-2024-2-42-4

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, роль цифровых платформ в государственном управлении. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Стремительное развитие информационных технологий привело к росту цифровых сервисов в государственном управлении. Цифровая трансформация не ограничивается только лишь внедрением цифровых технологий, а приводит к повышению эффективности государственного управления под влиянием цифровизации [1, с. XIV; 2, с. 167]. Платформизация – ключевой тренд цифровой трансформации государственного управления. Активное внедрение платформенной модели способствует сокращению издержек, повышению открытости, автоматизации рутинных процессов, упрощению процессов межведомственного взаимодействия, появлению новых моделей деятельности". Дополнительно ученым необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "В то же время нельзя не отметить образовавшийся правовой вакуум между актами стратегического планирования и действующим законодательством. В условиях того, что в ряде сфер государственного управления активно внедряются цифровые платформы, в сфере контрольно-надзорной деятельности, оказания государственных и муниципальных услуг, нормотворчества, в том числе автоматизации отдельных элементов ведомственного нормотворчества (конструктор цифровых регламентов, позволяющий провести разработку, согласование и регистрацию машиночитаемых административных регламентов предоставления государственных и муниципальных услуг). На сегодняшний день отсутствует легальное определение базовой категории цифровой трансформации – цифровой платформы"; "Еще одним краеугольным камнем является баланс достаточности и защищенности данных. Данные – это фундамент цифровой трансформации и объект управления, требующий организованного процесса работы и квалифицированных специалистов, прозрачного механизма обезличивания и перевода в категорию больших данных. По данным Ассоциации больших данных рынок больших данных в России по состоянию на 2021 год составлял 170 млрд. рублей, к 2024 году он может увеличиться до 319 млрд. рублей (рост на 90%). При этом эффект от внедрения продуктов на основе больших данных составит 1 трлн. рублей. Отчасти на решение обозначенной проблемы направлена новая редакция законопроекта Минцифры России об обезличенной информации, предусматривающего внесение изменений в Федеральный закон «О персональных данных». Предполагается создание государственной информационной системы, в которую коммерческие структуры будут предоставлять имеющиеся у них персональные данные для формирования датасетов. Правительством Российской Федерации будут устанавливаться требования к пакетам данных и срокам их предоставления в ГИС, а также субъекты, обладающие правом доступа к датасетам и условия доступа (бесплатно или на платной основе). При этом не ясным остается вопрос об обязанности по обезличиванию персональных данных" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор описывает роль цифровых платформ в государственном управлении, выявляет их достоинства и недостатки соответствующего правового регулирования. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "В настоящее время в России подход Lean Government (Бережливого правительства) находится в стадии становления [9, с. 11], присутствуют отдельные сервисы на региональном уровне, на федеральном – недостаточно развито" - предложение не согласовано.

Ученый отмечает: "В целом, в 2024 году отмечается положительная динамика в оценке гражданами влияния цифровизации на качество государственного управления по сравнению с более ранними периодами [10, с. 101]" - запятая является лишней.

Автор указывает: "В то же время нельзя не отметить образовавшийся правовой вакуум между актами стратегического планирования и действующим законодательством. В условиях того, что в ряде сфер государственного управления активно внедряются цифровые платформы, в сфере контрольно-надзорной деятельности, оказания государственных и муниципальных услуг, нормотворчества, в том числе автоматизации отдельных элементов ведомственного нормотворчества (конструктор цифровых

регламентов, позволяющий провести разработку, согласование и регистрацию машиночитаемых административных регламентов предоставления государственных и муниципальных услуг)" - предложения необходимо объединить.

Автор пишет: "В связи с тем, что 99% «утечек» носят умышленный характер усиление мер информационной безопасности будет способствовать их уменьшению" - "В связи с тем, что 99% «утечек» носят умышленный характер, усиление мер информационной безопасности будет способствовать их уменьшению" (см. на пунктуацию).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки, пунктуационные и стилистические ошибки.

Библиография исследования представлена 11 источниками (монографией, научными статьями, пособием), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно, положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("В качестве положительного опыта функционирования цифровых платформ в сфере государственного управления можно отметить повышение качества предоставления государственных услуг и сервисов гражданам, обеспечение равенства обращения и доступа к услугам, прозрачность взаимодействия, повышение результативности, существенная экономия ресурсов. Вместе с тем наряду с сокращением традиционных трансакционных издержек взаимодействия (по сбору и обработке информации, принятию решений, контроля и т.д.) наблюдается возникновение новых – издержек институционализации в связи с необходимостью правового регулирования новых институциональных структур – цифровых платформ, их создания и надлежащего функционирования, поддержания обеспечивающей инфраструктуры. Переход на платформенную модель государственного управления еще в процессе становления и требует реализации комплекса мер правового, организационного и технологического характера. Цифровая платформа как технологический комплекс на основе использования инфраструктуры хранения и передачи данных, анализа больших данных, цифровых технологий идентификации пользователя, применения искусственного интеллекта и иных прогрессивных технологий должна упрощать процессы взаимодействия государства с гражданами, бизнес-сообществом, государственными органами между собой и способствовать экономическому росту, а не создавать дополнительные финансовые и административные барьеры"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере административного права, информационного права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Роль цифровых платформ в государственном управлении».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам регулирования отношений по поводу цифровых платформ, используемых для целей государственного управления. Как отмечается в статье, «Платформизация – ключевой тренд цифровой трансформации государственного управления. Активное внедрение платформенной модели способствует сокращению издержек, повышению открытости, автоматизации рутинных процессов, упрощению процессов межведомственного взаимодействия, появлению новых моделей деятельности». В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, положения законодательства, мнения ученых, материалы практики.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса о регулировании отношений по поводу цифровых платформ, используемых для целей государственного управления. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования. Отмечается, что «Методологическую основу данного исследования составили формально-юридический метод (при изучении нормативной правовой базы и проектируемого регулирования в сфере платформизации государственного управления), а также общенаучные методы анализа (при обработке статистических данных об оценке гражданами влияния цифровизации на качество государственного управления и о нарушениях в сфере информационной безопасности) и обобщения (при формулировании выводов о направлениях дальнейшего совершенствования правового регулирования цифровых платформ в условиях их возрастающей роли в государственном управлении)».

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из эмпирических данных.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства. Например, следующий вывод автора: «Государственное управление традиционно рассматривается в отечественной науке в широком и узком смыслах. В широком смысле – это исполнительно-распорядительная деятельность органов государственного управления, а также деятельность управленческого характера иных органов государственной власти, суда и прокуратуры. В узком – деятельность органов государства, которые в Конституции Российской Федерации характеризуются как органы государственного управления – органов исполнительной власти. В действующем законодательстве нашло отражение широкое толкование – под государственным управлением в соответствии с Федеральным законом от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» понимается деятельность органов государственной власти по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации».

Важную роль сыграли эмпирические методы исследования, связанные с использованием опыта по внедрению цифровых платформ в государственном управлении. В частности, можно отметить следующий вывод автора: «В целях повышения эффективности реализации полномочий органов государственной власти и государственных

внебюджетных фондов, осуществляемых с использованием государственных информационных систем, создана единая цифровая платформа Российской Федерации «ГосТех» (далее – платформа «ГосТех»). Ее появление обусловлено необходимостью нивелирования существующих проблемных аспектов функционирования государственных информационных систем (далее – ГИС): отсутствия единого подхода при создании ГИС, использование различных программно-аппаратных комплексов, что затрудняет возможность оптимизации расходов на их создание и дальнейшую интеграцию; обособленности и разобщенности данных, содержащихся в ГИС, что затрудняет их использование при принятии управленческих решений; отсутствия единой базы сведений об услугах, функциях и полномочиях органов государственной власти, что препятствует возможности объективной оценки их реализации (Отчет Счетной палаты Российской Федерации о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Оценка текущего состояния федеральных государственных информационных систем с точки зрения перспектив цифровизации государственного управления», 28.06.2022 г. // <https://ach.gov.ru/upload/iblock/684/рерпуоqogiajfpxi8zvsvpgzmdzl03uzk.pdf>).

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема регулирования отношений по поводу цифровых платформ, используемых для целей государственного управления. Цифровые платформы внедряются в различные сферы деятельности, упрощают нашу жизнь, однако при этом возникают некоторые сложности правоприменения. Сложно спорить с автором в том, что «Актуальность обозначенной тематики подтверждается интересом со стороны научного сообщества. Отдельные аспекты функционирования цифровых платформ ранее были затронуты в исследованиях ведущих ученых-правоведов в сфере государственного управления и правового регулирования цифровых технологий (В.Н. Южакова, Е.И. Добролюбовой, Л.К. Терещенко, А.В. Минбалаева, А.А. Ефремова, Э.В. Талапиной, Э.Л. Сидоренко и др.), однако, касались частных вопросов применения технологий искусственного интеллекта, оптимизации работы государственных информационных систем, повышения открытости государственного управления, проблем защиты прав пользователей, эффективности государственных услуг и др. Большинство обозначенных исследований проводилось в период «Цифровой экономики», вместе с тем в условиях перехода к «Экономике данных» общественные отношения в сфере государственного управления активно развиваются вследствие массового внедрения цифровых платформ и требуют дальнейшего переосмысления проблематики, что и послужило импульсом к подготовке данной работы». Приводимые автором в статье примеры из практики наглядно демонстрирует этот вопрос.

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать. Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод: «Переход на платформенную модель государственного управления еще в процессе становления и требует реализации комплекса мер правового, организационного и технологического характера. Цифровая платформа как технологический комплекс на основе использования инфраструктуры хранения и передачи данных, анализа больших данных, цифровых технологий идентификации пользователя, применения искусственного интеллекта и иных прогрессивных технологий должна упрощать процессы взаимодействия государства с гражданами, бизнес-сообществом, государственными

органами между собой и способствовать экономическому росту, а не создавать дополнительные финансовые и административные барьеры».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по обобщению практики, что может быть полезно практикующим специалистам в рассматриваемой сфере.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с регулированием отношений по поводу цифровых платформ, используемых для целей государственного управления. Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в полной мере достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (В.Н. Южакова, Е.И. Добролюбовой, Л.К. Терещенко, А.В. Минбалеева, А.А. Ефремова, Э.В. Талапиной, Э.Л. Сидоренко и др.). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области регулирования отношений, связанных с цифровыми платформами. Хотело бы отметить использование автором большого количества материалов практики, что позволило придать исследованию правоприменимую направленность.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам совершенствования законодательства и практики по отношению к цифровым платформам, используемым для целей государственного управления

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Попова Ю.Е. Отражение основных правовых архетипов в русских народных сказках // Юридические исследования. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.12.72489 EDN: ZFOIUF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72489

Отражение основных правовых архетипов в русских народных сказках**Попова Юлия Евгеньевна**

независимый исследователь

620041, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, Трамвайный пер., 2/2, кв. 72

✉ yulya.kiss.popova@mail.ru

[Статья из рубрики "Человек и государство"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2024.12.72489

EDN:

ZFOIUF

Дата направления статьи в редакцию:

27-11-2024

Дата публикации:

25-12-2024

Аннотация: Статья посвящена описанию феномена правовых архетипов и их отражению в русских народных сказках. Выделение данных архетипов в определённой степени условно, так как эти элементы коллективного бессознательного не даны как непосредственная эмпирическая реальность. Правовой архетип возникает и существует независимо от воли людей, находит своё отражение в мифах, религии и сказках и выражается в поступках, высказываниях героев и в мотивах их действий. В результате анализа сказочных текстов выявлено несколько правовых архетипов: архетип эквивалентности, порядка, собственности, власти, личности. В предмет исследования входят закономерности формирования соответствующих правовых архетипов. Объектом исследования являются сказочные тексты, содержащие правовые сюжеты или отражающие правовые и предправовые идеалы, установки, ценности. Основанием

исследования является диалектический метод, в рамках которого применялись отдельные частные методы исследования, такие как: метод анализа, абстрагирования, индукции, моделирования, а также социокультурный подход. Новизна исследования заключается в следующем. Природа правового архетипа исследовалась в трудах отечественных ученых, где ряд правовых архетипов не имеют "юридического содержания", содержат, скорее, "политический" контекст и весь анализ правовых архетипов сводится к исследованию "публичной" сферы жизни человека, оставляя за пределами рассмотрения "частную" жизнь. Выводится собственное определение правового архетипа, насыщенное полным содержанием и отражающее чисто "юридические" аспекты социального бытия. Архетипы коллективного бессознательного оказывают значительное влияние на процесс правовой социализации и составляют в своей совокупности матрицу правового поведения. Делается вывод о разной степени обобщённости данных архетипов. Каждый из них может быть «раздроблен» на несколько других архетипов, каждый из них пересекается и взаимосвязан с другими. Тем не менее, все перечисленные правовые архетипы отвечают основным их признакам: а) они представляет собой структурный элемент коллективного бессознательного, то есть их существование не зависит от психических процессов отдельно взятого индивидуума; б) они не поддаются непосредственному эмпирическому наблюдению, а проявляют себя косвенно, выражаясь в мифах и сказках; в) они типичны и повторяются; г) они универсальны, проявляются в сюжетах, которые очень схожи у народов разных культур.

Ключевые слова:

Правовое сознание, коллективное бессознательное, правовой архетип, ранние правовые идеи, правовая культура, архетип эквивалентности, народные сказки, Юнг, архетип собственности, феномен сказки

Результаты исследования русских народных сказок на предмет отражения в них ранних правовых идей позволяют сделать вывод, согласно которому сказка представляет собой систему отражения и трансляции культурных ценностей, которые, в свою очередь, включают в себя зарождающееся и развивающееся правосознание. Для исследования системы отражения и трансляции культурных ценностей, связанных с "юридическим" элементом в русских народных сказках необходимо обратиться к феномену архетипа, а также сформулировать и обосновать понятие правового архетипа.

Термин "архетип" введен в широкий научный оборот К.Г. Юнгом. В юридической литературе уже ставился вопрос о природе и определении правового архетипа. Природа правового архетипа исследовалась в трудах таких отечественных ученых как: В.Н. Гулияхин, А.В.Краснов, О.И. Мирошниченко, А.В. Мурунова, А.В. Скоробогатов, О.А. Строева, М.Г.Тюрин и других. В настоящее время отсутствует четкое определение правового архетипа, который выступает в качестве первичного образа, структурного элемента бессознательного, неведомой силы и подобных явлений. Отсутствует исчерпывающий перечень основных архетипов, и, следовательно, отсутствует их классификация. В отечественной науке дано несколько определений феномену правового архетипа, даны примеры правовых архетипов, указываются некоторые их функции. Однако ряд правовых архетипов не имеет "юридического" содержания. Исходя из данных выводов, следует полагать, что возможно дать определение правового архетипа.

Правовой архетип — это элемент коллективного бессознательного, представляющий

собой универсальные, типичные, существующие независимо от воли людей прообразы идей о справедливости (соподчиненности), норме и мере, проступке и воздаянии, свободе, имуществе, сущности договора и его силе, власти и суде. Правовой архетип возникает и существует независимо от воли людей, находит своё отражение в мифах, религии и сказках и выражается в поступках, высказываниях героев и в мотивах их действий.

Отмечая архетип эквивалентности можно сделать вывод, что он является универсальным правовым архетипом, проявившим своё разнообразное проявление в русских народных сказках. Этот правовой архетип отражается в представлениях о личном или имущественном возмездии, в представлениях о награде за добрые дела, в представлениях о справедливом обмене вещами, волшебными предметами, символами. В проявлении этого архетипа участвуют сказочные герои, силы природы и волшебные силы. Все они, в той или иной степени, участвуют в процессе торжества справедливости [\[9\]](#).

В результате анализа сказочных текстов выявлено несколько правовых архетипов, одним из которых является архетип порядка.

В русских народных сказках представления о норме и мере отражены, в основном, в двух контекстах: это описание существующего или долженствующего порядка вещей, или же отклонение от него. Порядок и норма выражены очень разнообразно. Встречаются представления о государственном (служебном) порядке, о социальной иерархии, о правилах супружеских и семейных отношений, о незыблемости договоров.

Незыблемый порядок вещей проявляется в сказках очень разнообразно и касается всех сфер человеческой жизни. В упомянутой ранее сказке «Смерть петушка» получение какого-либо предмета через предоставление другого воспринимается героями сказки и рассказчиком как норма. Несмотря на чрезвычайные обстоятельства, грозящие петушку смертью, никто не отступает от заведённого «испокон веков» порядка эквивалентного обмена. В этой сказке отражается незыблемость установленных правил и непререкаемость их авторитета. Интересное отражение вселенского порядка можно найти в сказке «Кочет и курица» [\[8, с. 49\]](#): «Волк, волк! На что ты у свиньи поросёночка унёс? — Я есть хотел, мне Бог повелел». Очень показательный пример. Несмотря на то, что явно в поведении волка прослеживается отклонение от нормы — унёс поросёночка — оказывается, это оправдано, и более того — санкционировано Божественной волей, то есть это норма, установленный порядок. С одной стороны, в сказках о животных мы видим «человеческие лица», и эти сказки, конечно же о людях, но в данной сказке есть отсылка к порядку природного мира — как высшему вселенскому порядку.

В сказке «Морозко», нормой является то, что Морозко убил старухину дочь. Это описано как проявление нормы. Можно только полагать, что за этим стоит: или просто расправа над отрицательным персонажем, или же (что кажется более вероятно) — расплата за посягательство на сакральные смыслы. Отсутствие хороших речей в адрес Морозко, пренебрежение его сакральным авторитетом, неумение разглядеть этот авторитет, — всё это посягательство на мировой порядок, включающий в себя реальный человеческий мир и волшебный, сверхчеловеческий. В итоге и жестокая расплата, которая, повторим, описана как совершеннейшая норма. Посягательство на сакральные объекты — грубое отступление от нормы. В сказке «Золотая нога» [\[10, с. 87\]](#) бедная племянница потревожила могилу тётки, за что и поплатилась своей жизнью: «Вот каково покойников тревожить!».

Архетип порядка выразился и в незыблемости договоров, о чём речь пойдёт ниже. При

этом, сказочные герои, иногда, могут с лёгкостью нарушать заключённые договоры, но чаще всего они соблюдаются. Особенной силой обладают договоры, заключённые с волшебной силой. В сказке «Морской царь и Василиса-Премудрая» [8, с. 175] такой договор заключён между царём и всесильным морским царём, причём, предметом является сын царя — его нужно отдать морскому царю. Исполнение жестоких условий договора воспринимается как норма. И его нельзя нарушить не только потому, что договоры нужно соблюдать, но и потому, что за ним стоит волшебная сверхчеловеческая сила.

Представления о норме и мере выражалось и в описании семейных правил. В сказке «Солнце, Месяц и Ворон Воронович» [8, с. 61] отец выдаёт замуж (или приносит в жертву волшебным силам) дочерей без их согласия. В сказке «Жар-птица и Василиса-Царевна» [8, с. 137] нормой является похищение главным героем царевны. Похищение здесь становится основанием для заключения брака. Или пример: «Он (царь) её и спросил, за кого она хочет выйти? Царевна говорит: — За того, кто меня воровал!» (сказка «Семь Симеонов») [8, с. 95]. В некоторых сказках заключению брака предшествует одна из форм ордалии — жребий. В сказке «Царевна-лягушка» [8, с. 214] такой жребий, воспринимаемый как абсолютно нормальный способ найти невесту и стал началом сюжета.

В большом количестве сказок отражается традиционный патриархальный уклад семьи, основанный на безоговорочной власти отца. Типичным сюжетом является проявление отцовской воли по отношению к сыновьям, выражаящийся в многочисленных задачах: найти, добыть, принести — невесту, богатства, волшебные предметы. В некоторых сказках отцовская воля живёт и после его смерти. В сказке «Об Иванушке» [10, с. 174], умирающий отец повелевает: «Вы, дети на могиле моей откараульте три ночи». Это явилось завязкой сюжета.

Совершенно неожиданное проявление нормы в семейных отношениях можно увидеть в завязке сказки «Мизинчик» [10, с. 11], где отец отвёз детей в лес, так как не мог их прокормить: «А я вот, что думаю, Пелагеюшка, не свести ли мне половинку их (детей) к барину, может которого возьмёт в услугу! А барин не примет, так просто хошь в лес завози, да и бросай их там как котят!». Такое «прагматичное» отношение к младшим и зависимым членам семьи отражает древние, жестокие (на взгляд современного человека) семейные правила, проявляющиеся в истории разных народов. Исследователи дали описание такого аспекта из жизни племени аче: «Учёные зафиксировали случай, когда заболевшего и не поспевавшего за соплеменниками мужчину средних лет просто оставляли сидеть под деревом... Когда старуха становилась бременем для своих сородичей, кто-то из мужчин помоложе, подобравшись со спины, приканчивал её ударом топора в затылок... в другой раз мужчина убил маленького мальчика, потому что «был не в настроении, а ребёнок плакал». Другого ребёнка похоронили заживо, потому что «он был какой-то странный и дети над ним смеялись» [14; [цит. по 12, с. 69-70](#)].

Архетип порядка наиболее ярко отражается в сюжетах, где описывается отклонение от нормы. В сказке «Лиса-исповедница» [8, с. 24] упоминается отклонение от установленного порядка: «Я тебе, Петенька, добра хочу — на истинный путь наставить и разуму научить. Вот ты, Петя, имеешь у себя пятьдесят жён, а на исповеди не разу не бывал». Духовная жизнь, выраженная в покаянии — безусловная норма. В «Сказке о

Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове» [\[8, с. 55\]](#) отклонением от нормы является захват Ершом озера и нарушение установленного в нём порядка. В сказке «Орёл и птицы» [\[8, с. 67\]](#) явным отклонением от нормы описывается сюжет, в котором сокол посягает на царский титул. Причём в этой сказке среди птиц установлена чёткая иерархия, отражающая социальное устройство общества. Такое посягательство открыто порицается: «Точно ты, сокол, высоко летаешь, на лету всякую птицу побиваешь, а зачем же ты хвалишься, орловским царским именем называешься? Царь орёл узнает, вам с сорокой худо будет».

Социальный порядок, основанный на иерархии, описывается во многих сказочных сюжетах. В сказке «Царевна - Несмеяна» [\[8, с. 227\]](#) дана художественная оценка иерархичности человеческого общества: «Живут роскошные — и празднуют, живут горемычные — и трудятся; каждому своя доля!». Также и в сказке «Горе» [\[8, с. 232\]](#) подчёркнут статус брата-бедного родственника, причём брат этот не пытается изменить неравенство между ним и родным старшим братом, воспринимает своё положение как справедливое и нормальное.

В упомянутой нами ранее сказке «Жадная старуха» [\[10, с. 162\]](#), отражается посягательство на установленный вселенский миропорядок, а именно, желание героев сказки «стать богами». Это описано как грубое нарушение нормы, за которое последовало жестокое возмездие — потеря человеческого облика в виде волшебного превращения их в медведей.

Отклонением от нормы в сказках считается простое нарушение справедливости. В сказке «Мужик и змея» [\[10, с. 139\]](#) нарушение справедливости заключается в том, что она собралась съесть мужика, при том, что он её спас. Характерна горькая ирония мужика по этому поводу: «Ну, добро всегда злом оплачивается», в которой отражены социальные проблемы действительности. Примером грубого нарушения нормы, установленного порядка является описание убийства сонного человека, данное в «Сказке об Иване-Царевиче, жар-птице и о сером волке» [\[8, с. 125\]](#). Причём в этой сказке даётся однозначная оценка этому нарушению нормы: «Вы тогда б были добрые рыцари, если б выехали с ним в чистое поле да живого победили». Честный поединок, упоминаемый в сюжетах очень многих русских народных сказок, является проявлением двух правовых архетипов. С одной стороны, он отражает архетип эквивалентности, в том случае, если он является возмездием за обиду, преступление. С другой стороны, поединок (ордалья) — проявление архетипа порядка, потому как выступает общепризнанным способом разрешения споров, причём способом, санкционированным высшими силами, то есть отражающим вселенский, сверхчеловеческий порядок.

В отношении насильтственного заключения брака русские народные сказки достаточно лояльны и отражают «нормальность» данного института. Однако всё зависит от того, кто похищает невесту: если положительный герой, то это не нарушает установленный порядок, а если же отрицательный, то это описывается как серьёзный проступок, за которым следует возмездие. Так в сказке «Никита Кожемяка» [\[8, с. 97\]](#) отражён насильтственный брак — похищение царевны змеем, причём этому похищению придан отрицательный характер, во многом благодаря тому, что змей — отрицательный герой, олицетворяющий силы зла. За этот проступок он и был убит главным героем сказки в честном бою. Кроме того, не только похищение невесты, но и предложение брака замужней женщине (сказка «Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что» [\[8, с. 59\]](#)) воспринимается как грубое нарушение нормы: «где же это видано, где же это

слыхано: от живого мужа жену отбивать! Каков ни на есть, хоть простой стрелец, а мне он — законный муж». Примечательно, что нарушает это старинный священный порядок сам король. И применяет все доступные властные средства для достижения своей нечестной цели. Однако выше королевской власти оказывается волшебная сила в виде героев сказки — жены стрельца и Шамат-разума — нематериализованного субъекта. И данная волшебная сила помогает главному герою одолеть короля, тем самым поддерживаются незыблемые нормы и укрепляется порядок. Как и во многих других сказках, здесь видится проявление компенсаторной функции. Сказка в который раз помогает человеку примириться с действительностью и пусть только в воображаемом (но, не менее, реальном) мире, но устанавливает незыблемость порядка, которому должна следовать и королевская власть, что является ярким проявлением архетипа порядка.

Достаточно ярким отражением архетипа порядка является нарушение нормы и меры, выраженное в проступках героев сказок. Наверное, самым распространённым проступком в русских народных сказках является хищение. В сказках о животных главной преступницей оказывается лиса, которая в силу своей хитрой натуры не просто крадёт вещи, но и осуществляет хищение путём злоупотребления доверием, как это, допустим, описано в сказке «За лапоток — курочку, за курочку — гусочку» [\[8, с. 19\]](#). Примечательно, что в сказке «Лисичка-сестричка и волк» [\[8, с. 18\]](#), лиса путём обмана похитила рыбу из воза, но при этом возмездие её не настигло, она осталась в выигрыше. В волшебных сказках хищения часто совершаются представителями сверхъестественных сил. Так в «Сказке об Иване-Царевиче, жар-птице и о сером волке» жар-птица крадёт золотые яблочки. В сказке «Хитрая наука» [\[8, с. 197\]](#) отображена целая серия мошеннических сделок. В сказке «Клад» [\[8, с. 204\]](#) мошенником выступает поп, который в последствии поплатился своим обликом — был превращён в чёрта. В сказке «Три брата» [\[10, с. 148\]](#) происходит серия хищений: сперва братья воруют у младшего деньги, затем хозяйка дома крадёт у него же волшебные предметы.

В некоторых сказках фигурирует повреждение или захват имущества. Так в хрестоматийной сказке «Лиса, заяц и петух» [\[8, с. 22\]](#), лиса захватывает лубяную избушку, принадлежащую зайцу. А в сказке «Волшебная дудочка» [\[8, с. 34\]](#) повреждение имущества выражено в виде вытаптывания пшеницы (типичный проступок, встречающийся во многих волшебных сказках) волшебным персонажем — Лесовиком.

Можно найти много примеров совершения преступлений против личности: похищения, убийства, заточения, нарушения личной неприкосновенности. В сказке «Кот, петух и лиса» [\[8, с. 35\]](#) отражено похищение петуха лисой. При этом в качестве самозащиты кот берёт в заложники детей лисы. В сказке «Волк и коза» [\[8, с. 41\]](#) волк съедает козлят. В сказке «Терёшечка» [\[8, с. 71\]](#) главный герой похищен представительницей сил зла — ведьмой. В сказке «Марья Моревна» [\[8, с. 102\]](#) Кошечка похищает главную героиню и убивает её спасителя. В сказке «Пёрышко Финиста Ясна Сокола» [\[8, с. 182\]](#) злые сестрицы искалечили Финиста. Нарушением установленного порядка и вторжением в неприкосновенность частной жизни можно признать тайные визиты царевича к королеве в сказке «Деревянный орёл и Царевич-метатель» [\[10, с. 72\]](#).

Отдельной категорией проступков является посягательство героев на семейный уклад. Это и обман мужа женою, как в сказках «Звериное молоко», «Муж да жена», «Про казака», и супружеская измена в сказках «Чудесная рубашка», «Лукавая жена», «Диво дивное, чудо чудное» и предложение королём замужества замужней героине в сказке

«Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что» [2–6]. Причём данные проступки караются или смертью или очень жестокими физическими наказаниями. Семейные распри отражены в типичном сюжете борьбы между братьями, отмеченном ещё К. Г. Юнгом [13, с. 66]. Так в сказке «Три царства — медное, серебряное и золотое» старшие братья в борьбе за невесту пытаются убить младшего брата. Также в «Сказке об Иване-Царевиче, жар-птице и о сером волке» главный герой был убит своими братьями. Типичным сюжетом русских народных сказок являются обман, воровство, оставление в опасности, которые совершаются старшими братьями против младшего.

И ещё очень важная серия проступков — посягательство на сакральные предметы и смыслы. К таким проступкам относятся желание героев стать богами в сказке «Жадная старуха» [8, с. 53], сожжение лягушачьей кожи в сказке «Царевна-лягушка» [8, с. 214], несанкционированное проникновение старухи в небесную избушку в сказке «Небесная избушка», посягательство на могилу в сказке «Золотая нога» [8, с. 218].

Проступки, описанные в русских народных сказках, очень ярко отражают *архетип порядка*. Как правило, все они жестоко наказываются или самими главными героями, или властью, или волшебной силой. Поддержание порядка — одна из генеральных задач человеческого общества, которая решается в бескомпромиссной и, зачастую, в кровопролитной борьбе. Сказки же, в свою очередь, очень ярко и художественно отобразили это борьбу.

Пожалуй, самым интересным явлением в анализе архетипических образов в сказках является «конкуренция» правовых архетипов. Весьма распространённым элементом сюжета сказки является совершение главным положительным героям отрицательных поступков, которые не имеют отрицательной характеристики в самой сказке.

Например, в сказке «Вещий сон» [8, с. 189] главный герой — Иван, купеческий сын крадёт у трёх безобидных стариков шапку-невидимку, ковёр-самолёт и сапоги-скороходы. В сказке «Хитрая наука» отражено заключение мошеннических сделок положительными героями, при этом их действия описываются как удасть, проявление смекалки. Ещё более оправданным выглядит обман чертей главным героям в сказке «Заколдованная королевна» [8, с. 217]. Ради справедливости нужно отметить, что в этой сказке отражён не столько обман, сколько борьба добрых сил со злом, где способы этой борьбы заранее индульгированы. В упомянутой ранее сказке «Горшенья» главный герой, по сути, хитрый и ушлый персонаж, который добился монополии на производство горшков только лишь за то, что отгадал царскую загадку. При этом он бессовестно завысил цену на свои горшки, а при рассмотрении спора с жадным барином, царь повысил его социальный статус: «Ну, братец, снимай, слышь, всё с себя и надевай на барина, а ты скидай всё своё платье и отдан ему: он теперь будет барином на твоём месте в вотчине, а ты будешь заместо его горшеною».

Хищения, совершаемые положительными персонажами — распространённый сюжет русских народных сказок. Так в сказке «Об Иванушке» главный герой совершает и хищение, и грабёж: «У царя взял золотую трубочку, у царёвой дочери — башмачок с чулком». В сказке «Про купца» волшебный старичок крадёт («берёт») курицу у богатого купца («Жил богатый купец, у него денег было много, не то, что мерами мерял, а лопатой грёб»). Совсем удивительные и нетипичные оценки воровству даются в бытовой сказке «Вор» [8, с. 61], где умение воровать оценивается героями как удасть и становится предметом соревнования: «Коли так, — говорит барин, — вот тебе мой приказ: украдь у меня чёрного быка из-под плуга; уворуешь — дам тебе сто рублей, не уворуешь —

влеплю сто плетей». И вроде бы воровство в этой сказке оправдано заботой о престарелых родителях, но в начале главный герой сам не хотел учиться работать и вёл иждивенческий образ жизни. Но при этом сумел проявить смекалку и изворотливость, и, в итоге, — он положительный персонаж, всё сложилось в его пользу, а воровство — это просто удасть. Такой же доблестью отличился главный герой сказки «Вороватый мужик», который нестандартными методами совершают серию мошеннических хищений у барина. В бытовой сказке «Солдатская загадка» [\[10, с. 14\]](#) солдаты похищают петуха, обманув жадную старуху. В сказке «Знахарь» [\[10, с. 98\]](#) «бедный да продувной мужичок» совершает серию мошеннических действий, обманывая всех и вся, тем не менее возмездие за это не наступает вследствие благоприятного для него стечения обстоятельств.

Как видно, хищение, совершённое положительными героями, не только не порицается и воспринимается как норма, но, иногда, и оценивается очень положительно. Напрашивается вывод о некоем своеобразном культурном отношении к институту собственности и институту хищения. Вывод, который говорит об отсутствии и неразвитости в русской культуре и общественной практике ценности собственности. Однако невозможно согласится с подобной прямолинейной оценкой, по крайней мере, нет прямой зависимости между этими и подобными сказками и такими особенностями русского правосознания. В большинстве сказок хищение — отрицательное явление, за которое следует возмездие, а в перечисленных выше сказках воровство является, в своем роде, компенсацией, социальной местью за жадность (как в сказке «Солдатская загадка»), социальную несправедливость. И, более того, воровство представлено как один из способов борьбы добра со злом.

Очень редко, но встречается разделение героев на положительных и отрицательных по национальному признаку, соответственно и их поступки оцениваются по-разному, в зависимости от положительного или отрицательного статуса. Так в, видимо, более поздней сказке «Русский и жид» [\[10, с. 90\]](#) обман русским «жида» является нормой, так как « жид» — отрицательный персонаж, а русский — положительный.

Очень интересное отношение к установленному порядку выражено в бытовой сказке «Жена-доказщица» [\[10, с. 50\]](#). По сюжету сказки, мужик, нашедший клад должен был сообщить о своей находке барину, так как это было установленной нормой, проявлением социального порядка. Однако по причине своей хитрости и удали, он не стал этого делать. Он нарушил правило, не сообщил барину о находке клада, но его поведение одобряется рассказчиком. При этом жена систематически напоминала своему мужу о необходимости доложить барину, то есть призывала поступить по правилам. Объективно её поведение является положительным и ответственным, выражаясь современным языком, она проявила высокий уровень правовой культуры. Однако докучность жены перевешивает её ответственное поведение и формирует её отрицательный образ: «У бабы и волос длинен, да ум короток!». Обманув свою жену и барина, главный герой устроился наилучшим образом: «Барин пожалел мужика, что он такой несчастный, развёл его с женой, женил на другой, молоденькой да хорошей, и на волю отпустил. А мужик тотчас отрыл свой клад из земли и зажил самым лучшим манером». В этой сказке сталкиваются два представления о норме. С одной стороны, существует незыблемый порядок отношений барина и крепостного, который предписывает доложить барину о находке. С другой — удасть, хитрость и смекалка главного героя возводят в норму обман барина. Что это? Проявление другого уровня представлений о норме и мере? Или же это опять компенсация за социальную несправедливость, когда бедность и низкий социальный статус являются определённой индульгенцией? Ответить сложно.

Совершение отрицательных с моральной и правовой точек зрения поступков положительными сказочными героями является очень характерным феноменом. Как видно, эти герои могут красть, обманывать, совершать расправу, причём не только в отношении отрицательных персонажей. Некоторых героев сказок даже нельзя назвать положительными, это хитрецы, обманувшие других, но имеющие вид удачных, смекалистых персонажей. О чём всё это говорит? Полагаю есть несколько ответов на этот вопрос:

1. Во многих сказках отрицательные поступки героев связаны с борьбой с силами зла. Если герой сказки обманывает, крадёт, приводит к гибели, вершит самосуд над отрицательными персонажами, то он заранее оправдан — на войне как на войне. Здесь проявляется торжество добра над злом, в чём и есть высшая справедливость и порядок.
2. Зачастую обман, кража, грабёж и подобные действия обращены против жадных, богатых, властных и подобных им персонажей. В таком случае сказка выполняет функцию психосоциальной компенсации, создавая иллюзорный мир высшей справедливости и порядка. Сказка помогает человеку, хотя бы на время, примириться с действительностью.
3. В некоторых случаях такое отрицательное, но одобряемое поведение главного героя, свидетельствует о проявлении правового нигилизма. Сказка в таком случае выстраивает альтернативную, народную правду, противопоставляющую себя официальной власти и официальной правде.

В какой-то степени, О. И. Мирошниченко отмечала архетип «двух жизней», характеризующий собой бессознательную установку русского человека на существование в рамках двух «правовых систем»: неписанного народного права и позитивного государственного [\[7, с. 11-12\]](#).

Следующим правовым архетипом, нашедшим своё отражение в русских народных сказках, является *архетип собственности*, проявляющийся в различных сюжетах. Самым распространённым из которых является сюжет о хищении, который встречается в подавляющем количестве сказок, и являющийся, зачастую, началом, завязкой всего сказочного сюжета. В сказках о животных посягательство на собственность вообще выступает как основа сюжета. Многочисленные сказки про лису описывают разнообразные способы хищений: кража, грабёж («схватила петушка»), мошенничество. В сказке «Лиса, заяц и петух» лиса не крадёт, а захватывает имущество — лубяную избёнку: «Лиса попросилась у зайчика погреться, да зайчика-то выгнала».

В волшебных сказках тема посягательства на собственность также представлена довольно часто. В «Сказке об Иване-Царевиче, жар-птице и сером волке» описана серия хищений. Во-первых, жар-птица похищает царские золотые яблочки, а, во-вторых, происходит серия обманов и хищений со стороны главного героя. Причём, несмотря на положительный характер Ивана-Царевича, и, соответственно, изначальную индульгенцию его «противоправных» действий, один из царей оценил его воровство негативным образом: «Честного ли рыцаря это дело, которое ты сделал?». Иногда предметом хищения становятся волшебные или сакральные предметы, как в сказках «Золотая нога» и «Три брата». В некоторых случаях хищение выполняет вспомогательную роль, совершается не с целью наживы, а с целью показать умение, смекалку и удачу, как это видно в сказке «Об Иванушке»: «У царя взял золотую трубочку, у царёвой дочери — башмачок с чулком».

Хищение как проявление поведенческих стереотипов, интересно само по себе, оно отражает уровень правовой культуры, состояние законности, подчёркивает статус института собственности в общественном сознании. В русских народных сказках тема хищения занимает очень большое место. И это, на первый взгляд, может привести к выводу о формировании в зарождающемся национальном правосознании пренебрежительного отношения к собственности, терпимости по отношению к преступлениям против неё. Однако не стоит торопиться с таким выводом. Да, в тех сказках, где хищения совершаются положительным героем, они (хищения) не наказываются и не осуждаются. Но в данном случае сказки рисуют картины борьбы добра со злом, и в этой борьбе нет компромиссов, а значит всё прощается, и цель оправдывает средства. Возможно, в этих сюжетах нет пренебрежения к собственности. Очевидно, что более важными оказываются другие ценности. Очевидно и то, что воровство и другие посягательства на собственность описываются нейтрально или положительно, и не наказываются в тех сказках, где положительными героями оказываются «антисоциальные» персонажи. Это видно в сказках «Горшения», «Вор», «Воровская наука». По всей видимости, в таких сказках отражается, альтернативная официальной, народная правда, проявляется нигилистическое отношение к власти и установленному официальному порядку. Однако такие сказки встречаются нечасто, их сюжеты нельзя признать типичными. В большинстве сказочных сюжетов, — будь это волшебные, бытовые сказки или сказки о животных, — хищения порицаются и жёстко наказываются. Посягательство на собственность является грубым нарушением нормы. В 57,9 % сюжетах сказок по системе Андреева-Аарне [1], где отражается посягательство на собственность, отношение к преступлениям против собственности положительное или нейтральное, в 42,1 % — отрицательное. Можно сделать вывод о том, что собственность в русских народных сказках отражена почти в половине сюжетов в качестве высокой ценности, получает свою защиту, предусматривает возмездие за посягательство на неё. В сказочных сюжетах, затрагивающих посягательство на собственность, в полной мере находит своё отражение *архетип собственности*.

Указанный правовой архетип нашёл ещё одно выражение в русских народных сказках — это упоминания о многочисленных сделках. Количество и разнообразие сделок говорит о развитости обменных отношений.

В сказках о животных мы встречаем хрестоматийный договор о вершках и корешках («Мужик, медведь и лиса»). Очень интересная серия обязательств под отлагательным условием описана в сказке «Смерть петушка», где курочка, чтобы спасти своего мужа вынуждена бегать от одного персонажа к другому, выменивая одну собственность на другую. Очень яркий пример, показывающий незыблемость института собственности и высокую ценность договорных отношений. Собственность иногда упоминается в договоре наследства, особенно это актуализировано в сюжете спора или борьбы братьев или иных героев за него («Чудесная рубашка», «Заколдованная королевна»). Это описано в сказке «Золотая нога»: «стали тягать (родственники) у племянницы имущество после тётки, тягали, тягали, да всё оттягали». В сказке «Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что» описана целая серия договоров продажи, договоров мены, которые иногда носили мошеннический характер. В сказке «Пёрышко Финиста — Ясна Сокола отражена серия договоров купли-продажи, причём один предмет — пёрышко оценивается продавцом в тысячу рублей. Здесь, конечно, такая цена отражает не ценность собственности как таковой, а волшебный характер этого предмета. В этой же сказке происходит обмен волшебных предметов на возможность побывать ночь с Финистом: «Ах, красна девица! Не продашь ли мне свою забаву?» — «Пожалуй продам!» — «А какая цена?» — «Позволь с твоим мужем ночь перебыть». В сказке доброе слово,

собственность выступает предметом многочисленных договоров купли-продажи. Причём в этой сказке очень отчётливо фигурируют деньги, заключаются многочисленные договоры займа. В сказке «Волшебная дудочка» договор купли-продажи обусловлен действием со стороны царевны: «Мужик, мужик! Продай одного поросёночка!» — «Непродажный, — говорит дурак, — заветный!» — «А велик ли завет?» — «Пущай царская дочь покажется мне без платья!».

Не все договоры касаются собственности, встречаются в сказках и договоры найма и договоры услуг. Но при этом договоры займа, купли-продажи, хранения, описанные в русских народных сказках, отражают развитость института собственности, восприятия его как общественную ценность, отражают защищённость собственности, иллюстрируют принцип незыблемости договора. В общем количестве сказочных сюжетов, в 64,7 % из них встречается упоминание о совершении разнообразных сделок.

Рассмотрим отражение архетипа власти. Во многих русских народных сказках (52,5 % от общего количества сюжетов) нельзя найти упоминания или даже следов власти. Герои этих сказок обходятся без неё, при этом могут устанавливать свой порядок сами или прибегая к власти волшебных сил. В сказках это хорошо выражается в сюжете самосуда. К примеру, в сказках о животных мы видим, как петух зарубил лису косой («Лиса, заяц и петух»), мужик забил медведя и натравил собак на лису («Мужик, медведь и лиса»), дрозд натравил собак на лису («Звери в яме»), кот забил лису («Кот, петух и лиса»), волка убил охотник («Волк-дурень»), мужик убил змею («Мужик и змея»). В волшебных сказках мы видим как главный герой расправляется с отрицательными персонажами в честном бою («Иван Быкович», «Никита Кожемяка», «Марья Моревна») или просто убивает представителей сил зла («Иван-Царевич и Белый Полянин», «Арысь-поле»). В бытовых сказках типичным сюжетом самосуда и расправы является возмездие неверной жене. Обманутый муж расстреливает жену («Чудесная рубашка»), убивает «полюбовника» и купчиху («Диво дивное, чудо чудное»), «взял, своему коню привязал её за хвост» («Про казака»), убивает дружка жены («Лукавая жена»). В сказке «Про купцову жену» главный герой пытается утопить жену за мнимую измену. Однако в этой сказке мы видим проявление власти в том, что главный герой за такую попытку был посажен в острог. Очень яркое доказательство того, что ранняя государственная власть во всех обществах боролась с самосудом. В вышеперечисленных сказках, как видно, архетип власти не отражён. Видимо, это отражение реальной слабости ранней государственной власти и распространения самосуда в средневековье.

В некоторых (47,5 % от общего количества сюжетов) сказках власть нашла своё отражение. Прежде всего это выразилось в описании и оценке института царской власти. Даже в сказках о животных можно найти такое упоминание. Допустим, в сказке «Орёл и птицы» показана чёткая иерархия птиц как отражение социальной и государственной иерархии. При этом Орёл выступает как олицетворение царской власти. В большинстве волшебных сказок фигура царя или короля — одна из центральных фигур. Причём царь или король в равной степени могут быть как положительными («Никита Кожемяка») так и отрицательными («Три царства») персонажами. Следует отметить, что положительные и отрицательные образы царей настолько равномерно распределены между сказками, что невозможно однозначно судить об «оппозиционности» или «лояльности» сказок к царской власти. Если царь положительный, то он справедлив, честен и мудр, если отрицательный — завистлив, лжив и слаб. То есть фигура царя в сказках мало чем отличается от других персонажей. Тем не менее, и в том, и в другом случаях царская власть непрекращаема как таковая. То есть сам институт власти описан как трансцендентная сила, и в этом как раз проявляется сам архетип власти. Примечательно

выражение одного из героев «Сказки об Иване-Царевиче, жар-птице и о сером волке» о ценности царской власти: «Тогда может сделаться бунт или несогласие между нашим народом, а унять будет некому». Или пример бытового отношения к царской власти: «А царская милость кому не дорога?» («Жар-птица и Василиса-Царевна»).

Архетип власти нашёл своё отражение и в небольшом количестве упоминаний о социальной иерархии. В упомянутой уже нами сказке «Орёл и птицы» описана иерархия «птичьего» общества. В сказке «Кот и лиса» лиса представляет своего мужа — кота бурмистром, а сама представляется «бурмистровой женой». В более поздней сказке «Морока» отражена служебная иерархия.

Еще одно отражение *архетипа власти* — это упоминание в сказочных сюжетах о правосудии. Исторический переход от самосуда и божьего суда к правосудию нашёл своё отражение и в сказках. В «Сказке о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникова» суд описан достаточно подробно. Есть сом — судья праведный, стрелец-боец, карась-палац. Перечисляются доказательства: свидетели, московские крепости, письменные грамоты. В сказке «Мужик и змея» главный герой поочерёдно обращается к авторитетным лицам (заяц, волк и лиса) с просьбой рассудить их спор со змеёй. Конечно, в этой сказке нет суда, но сама возможность и принцип независимости правосудия отражены. Характерное описание облика правосудия содержится в сказке «Правда и кривда», где судья и писарь утверждают, что жить лучше по кривде. В этой сказке нашла своё отражение горькая ирония о несправедливости и несовершенстве жизни и коррумпированности ранних судебных инстанций. В итоге правда одержала победу, и в который раз сказка вновь выполняет функцию психосоциальной компенсации, утверждая победу добра над злом. В сказке «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре» отчасти описан судебный процесс: «Собралися, съехалися люди старшие — нет числа! Судят-рядят, придумывают-пригадывают, и придумали: царевне отрубить голову. — Нет, — сказал главный судья, — слушайте меня или нет, а моя вот речь: выколоть ей глаза, засмолить с ребёнком в бочке и пустить на море; виновата — потонет, права — выплынет». Суд в сказках является не только прерогативой царской или центральной власти, но и правом общины. В сказке «Рассказы о ведьмах» описывается наказание ведьмы: «Мир наградил казака деньгами, а эту ведьму присудил утопить». В целом, институт судебной власти достаточно редко встречается в сюжетах русских народных сказок — только в 2,8 % от общего количества сюжетов, связанных с упоминанием власти вообще.

Подводя итог описанию отражения *архетипа власти* в сюжетах русских народных сказок, ещё раз отметим, что он выразился в описании института царской власти, социальной иерархии и суда. В чём сказки похожи, так это в том, что власть фигурирует в них как раз и навсегда данная реальность, часть мирового порядка. И именно в этом прослеживается влияние *архетипа власти*.

Следующий правовой архетип — это *архетип личности*. Русские народные сказки дают замечательный материал позволяющий провести анализ положения личности в зависимости от социального статуса и роли, которую герой играет в сюжете сказки. Особое значение имеет степень свободы человека. Следует отметить, что наименование данного архетипа очень условно, даже более условно, чем наименования других, потому как процесс осознания личности, осознания своей правосубъектности далеко выходит за пределы юриспруденции. Необходимо подчеркнуть, что русские народные сказки удивительно индивидуалистичны: в центре сюжета всегда находится герой, обладающий широкой гаммой индивидуальных качеств, имеющий яркое описание. И на первый взгляд, в сказках вообще не отражается тема соборности, колLECTивизма, не прослеживается архетип «симфонической личности», а наоборот — проявляется архетип

«героя» [11, с. 22–25]. Подводя общий итог, следует заметить, что в настоящем исследовании выделены основные правовые архетипы, к которым относятся: архетип эквивалентности, архетип порядка, архетип собственности, архетип власти, архетип личности. Выделение данных архетипов в определённой степени условно, так как эти элементы коллективного бессознательного не даны нам как непосредственная эмпирическая данность. Можно говорить о разной степени обобщённости данных архетипов. Каждый из них может быть «раздроблен» на несколько других архетипов, каждый из них пересекается и взаимосвязан с другими. Тем не менее, все перечисленные нами правовые архетипы отвечают основным их признакам: а) они представляет собой структурный элемент коллективного бессознательного, то есть их существование не зависит от психических процессов отдельно взятого индивидуума; б) они не поддаются непосредственному эмпирическому наблюдению, а проявляют себя косвенно, выражаясь в мифах и сказках; в) они типичны и повторяются; г) они универсальны, проявляются в сюжетах, которые очень схожи у народов разных культур.

Библиография

1. Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Ленинград: издание Гос. русского географического о-ва, 1929. 118 с.
2. Афанасьев А. Н. Русские народные сказки А. Н. Афанасьева / под ред. А. Е. Грузинского; с картинами А. Комарова, М. Щеглова: в 5 т. Москва: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1913. Т. 1. 224 с.
3. Афанасьев А. Н. Русские народные сказки А. Н. Афанасьева / под ред. А. Е. Грузинского; с картинами А. Комарова, М. Щеглова: в 5 т. Москва: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1914. Т. 2. 335 с.
4. Афанасьев А. Н. Русские народные сказки А. Н. Афанасьева / под ред. А. Е. Грузинского; с картинами А. Комарова, М. Щеглова: в 5 т. Москва: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1914. Т. 3. 292 с.
5. Афанасьев А. Н. Русские народные сказки А. Н. Афанасьева / под ред. А. Е. Грузинского; с картинами А. Комарова, М. Щеглова: в 5 т. Москва: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1914. Т. 4. 288 с.
6. Афанасьев А. Н. Русские народные сказки А. Н. Афанасьева / под ред. А. Е. Грузинского; с картинами А. Комарова, М. Щеглова: в 5 т. Москва: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1914. Т. 5. 275 с.
7. Мирошниченко О. И. Русский культурный архетип как средство идентификации современного российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Мирошниченко Ольга Игоревна. Москва, 2016. 33 с.
8. Народные русские сказки: из сборника А. Н. Афанасьева / тексты отобраны В. П. Аникиным; вступ. ст., словарь В. П. Аникина; худож. Т. Маврина. Москва: Художественная литература, 1982. 319 с.
9. Попова Ю. Е. Феномен правового архетипа эквивалентности и его отражение в русских народных сказках // Юридические исследования. 2021. № 11. С. 1–14. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2021.11.36948>.
10. Русские народные сказки и побасенки: сборники Е. А. Чудинского и А. А. Эрленвейна. Иваново: Роща, 2017. 265 с.
11. Тюрин М. Г. Архетипы национальной правовой культуры: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Тюрин Максим Григорьевич. Ростов-на-Дону, 2008. 29 с.
12. Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества / пер. с англ. Л. Сумм. Москва: Синдбад, 2020. 520 с.
13. Юнг К. Г., фон Франц М.-Л., Хендерсон Д., Яффе А., Якоби И. Человек и его символы / введ. Д. Фримана; пер. с англ. С. Н. Сиренко, Н. А. Сиренко. Москва: Серебряные

нити; Санкт-Петербург: АСТ, 1997. 367 с.

14. Hill K., Hurtado A. M. Ache Life History: The Ecology and Demography of a Foraging People. New York: Aldine de Gruyter, 1996. 581 р.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, отражение основных правовых архетипов в русских народных сказках. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования в тексте статьи не обосновывается. Дополнительно ученым необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Проступки, описанные в русских народных сказках, очень ярко отражают архетип порядка. Как правило, все они жестоко наказываются или самими главными героями, или властью, или волшебной силой. Поддержание порядка — одна из генеральных задач человеческого общества, которая решается в бескомпромиссной и, зачастую, в кровопролитной борьбе. Сказки же, в свою очередь, очень ярко и художественно отобразили это борьбу. Пожалуй, самым интересным явлением в анализе архетипических образов в сказках является «конкуренция» правовых архетипов. Весьма распространённым элементом сюжета сказки является совершение главным положительным героем отрицательных поступков, которые не имеют отрицательной характеристики в самой сказке"; "Как видно, хищение, совершённое положительными героями, не только не порицается и воспринимается как норма, но иногда и оценивается очень положительно. Напрашивается вывод о некоем своеобразном культурном отношении к институту собственности и институту хищения. Вывод, который говорит об отсутствии и неразвитости в русской культуре и общественной практике ценности собственности. Однако невозможно согласится с подобной прямолинейной оценкой, по крайней мере, нет прямой зависимости между этими и подобными сказками и такими особенностями русского правосознания. В большинстве сказок хищение — отрицательное явление, за которое следует возмездие. А в перечисленных выше сказках воровство является, в своем роде, компенсацией, социальной местью за жадность (как в сказке «Солдатская загадка»), социальную несправедливость. И, более того, воровство представлено как один из способов борьбы добра со злом"; "1. Во многих сказках отрицательные поступки героев связаны с борьбой с силами зла. Если герой сказки обманывает, крадёт, приводит к гибели, вершит самосуд над отрицательными персонажами, то он заранее оправдан — на войне как на войне. Здесь проявляется торжество добра над злом, в чём и есть высшая справедливость и порядок. 2. За частую обман, кражу, грабёж и подобные деяния обращены против жадных, богатых, властных и подобных им персонажей. В таком случае, сказка выполняет функцию психосоциальной компенсации, создавая иллюзорный мир высшей справедливости и порядка. Сказка помогает человеку, хотя бы на время, примириться с действительностью. 3. В некоторых случаях такое отрицательное, но одобряемое поведение главного героя, свидетельствует о проявлении правового нигилизма. Сказка в таком случае выстраивает альтернативную, народную правду, противопоставляющую

себя официальной власти и официальной правде" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор описывает основные правовые архетипы, встречающиеся в русских народных сказках. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков.

Так, автор пишет: "Результаты исследования русских народных сказок на предмет отражения в них ранних правовых идей позволяют сформулировать гипотезу, согласно которой сказка представляет собой систему отражения и трансляции культурных ценностей, которые, в свою очередь, включают в себя зарождающееся и развивающееся правосознание". Культурные ценности включают в себя правосознание или правосознание включает в себя ценности?

Ученый отмечает: "Мною было сформулировано определение правового архетипа". В научной статье не допускается обращение к аудитории от первого лица ("я", "мною" и т.п.).

Автор указывает: "Отмечая архетип эквивалентности можно сделать вывод, что он является универсальным правовым архетипом, проявившим своё разнообразное проявление в русских народных сказках" - "Отмечая архетип эквивалентности, можно сделать вывод, что он является универсальным правовым архетипом, отразившимся в русских народных сказках" (см. на запятую и стилистические погрешности).

Ученый отмечает: "Все они, в той или иной степени участвуют в процессе торжества справедливости [9]" - "Все они в той или иной степени участвуют в процессе торжества справедливости [9]" (запятая является лишней).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются множественные опечатки, пунктуационные и стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 14 источниками (монографией, научными статьями, художественной литературой, указателем), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы аргументированы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Подводя общий итог, следует заметить, что в настоящей статье выделены основные правовые архетипы, к которым относятся: архетип эквивалентности, архетип порядка, архетип собственности, архетип власти, архетип личности. Выделение данных архетипов в определённой степени условно, так как эти элементы коллективного бессознательного не даны нам как непосредственная эмпирическая данность. Можно говорить о разной степени обобщённости данных архетипов. Каждый из них может быть «раздроблен» на несколько других архетипов, каждый из них пересекается и взаимосвязан с другими. Тем не менее, все перечисленные нами правовые архетипы отвечают основным их признакам: а) они представляют собой структурный элемент коллективного бессознательного, то есть их существование не зависит от психических процессов отдельно взятого индивидуума; б) они не поддаются непосредственному эмпирическому наблюдению, а проявляют себя косвенно, выражаясь в мифах и сказках; в) они типичны и повторяются; г) они универсальны, проявляются в сюжетах, которые очень схожи у народов разных

культур"), они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере теории государства и права, истории отечественного государства и права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, обосновании актуальности его темы, устранении многочисленных нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Отражение основных правовых архетипов в русских народных сказках» предметом исследования являются русские народные сказки как объект отражения в них ранних правовых идей .

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Применение современных приемов и способов научного познания позволило автору сформировать собственную аргументированную позицию по заявленной проблематике.

Актуальность исследования. Исследование проблематики источников права и правового регулирования всегда отличается особой важностью и значимостью. Автор правильно отмечает, что «результаты исследования русских народных сказок на предмет отражения в них ранних правовых идей позволяют сделать вывод, согласно которому сказка представляет собой систему отражения и трансляции культурных ценностей, которые, в свою очередь, включают в себя зарождающееся и развивающееся правосознание. Для исследования системы отражения и трансляции культурных ценностей, связанных с "юридическим" элементом в русских народных сказках необходимо обратиться к феномену архетипа, а также сформулировать и обосновать понятие правового архетипа». Данные обстоятельства обуславливают необходимость доктринальных разработок по данной проблематике в целях совершенствования правового регулирования современных общественных отношений .

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье впервые сформулированы положения, отличающиеся научной новизной: например, «...выделены основные правовые архетипы, к которым относятся: архетип эквивалентности, архетип порядка, архетип собственности, архетип власти, архетип личности. Выделение данных архетипов в определённой степени условно, так как эти элементы коллективного бессознательного не даны нам как непосредственная эмпирическая данность. Можно говорить о разной степени обобщённости данных архетипов. Каждый из них может быть «раздроблен» на несколько других архетипов, каждый из них пересекается и взаимосвязан с другими. Тем не менее, все перечисленные нами правовые архетипы отвечают основным их признакам: а) они представляет собой структурный элемент коллективного бессознательного, то есть их существование не зависит от психических процессов отдельно взятого индивидуума; б) они не поддаются непосредственному эмпирическому наблюдению, а проявляют себя косвенно, выражаясь в мифах и сказках; в) они типичны и повторямы; г) они универсальны, проявляются в сюжетах, которые очень схожи у народов разных

культур». В статье содержатся и другие положения, не только отличающиеся научной новизной, но и имеющие практическую значимость, которые можно расценить как вклад в отечественную юридическую науку.

Стиль, структура, содержание. Тема раскрыта, содержание статьи соответствует ее названию. Соблюдены автором требования по объему материала. Статья написана научным стилем, использована специальная юридическая терминология. Статья структурирована. Материал изложен последовательно, грамотно и ясно. Автор не только обозначает существующие проблемы, но и предлагает свои решения, которые заслуживают внимания.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников. Ссылки на источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. По спорным вопросам заявленной тематики представлена научная дискуссия, обращения к оппонентам корректные. Все заимствования оформлены ссылками на автора и источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «Отражение основных правовых архетипов в русских народных сказках» рекомендуется к опубликованию. Статья соответствует тематике журнала «Юридические исследования». Статья написана на актуальную тему, отличается научной новизной и имеет практическую значимость. Данная статья могла бы представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области истории права, философии права и общей теории права, а также, была бы полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Крипиневич С.С. Правовая определенность и формализация в совершенствовании уголовно-процессуальной формы // Юридические исследования. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.12.72352 EDN: TSFBSG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72352

Правовая определенность и формализация в совершенствовании уголовно-процессуальной формы**Крипиневич Светлана Сергеевна**

кандидат юридических наук

доцент, заместитель заведующего кафедрой уголовно-процессуального права имени Н.В. Радуной,
Российский государственный университет правосудия

117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69

✉ s.kripinevich@yandex.ru

Статья из рубрики "Судебная власть"**DOI:**

10.25136/2409-7136.2024.12.72352

EDN:

TSFBSG

Дата направления статьи в редакцию:

17-11-2024

Аннотация: Предметом исследования представленной статьи выступает уголовно-процессуальная форма. Потребность в совершенствовании уголовно-процессуального права приводит ученых к формированию многочисленных предложений по корректировке его содержания. В основе предложений – стремление к обеспечению эффективности уголовно-процессуальной формы, повышению уровня защиты прав и законных интересов участников. Однако подавляющее большинство высказываемых в уголовно-процессуальной науке мнений, относительно путей совершенствования отечественной уголовно-процессуальной формы связаны с внесением различных дополнений в действующий уголовно-процессуальный закон, а также достаточно однообразной тенденцией совершенствования уголовно-процессуальной формы исключительно способом ее формализации. Подобное усиление формализации приводит к увеличению числа противоречивых правил, которые не соответствуют иным уголовно-процессуальным положениям, не находятся с ними во взаимосвязи. Исследование основано на общенаучных и частно-научных методах познания, что позволило

проанализировать источники по выбранной теме и синтезировать знание о современном состоянии отечественной уголовно-процессуальной форме. Анализ представленных в уголовно-процессуальной науке мнений относительно направлений совершенствования уголовно-процессуальной формы позволил сформулировать значимые теоретические выводы автора рукописи по исследуемому аспекту. В статье формулируется и обосновывается позиция автора о необходимости разнообразить способы совершенствования уголовно-процессуальной формы, в числе которых должны использоваться как детализация уголовно-процессуальной формы, так и ее дифференциация. Ведущим методом совершенствования отечественной процессуальной формы выступает формализация. По мнению автора в реализации указанного способа дальнейшего совершенствования уголовно-процессуальной формы должна сыграть свою позитивную роль индивидуализация, которая, собственно, и «запускает» процесс формализации. В результате исследования автором сформулирована идея заключающаяся в том, чтобы в определенной степени учесть научную концепцию так называемого рамочного процессуального регулирования. Основным условием в этом подходе является признание законодателем и нормативное закрепление полномочий должностных лиц и государственных органов самостоятельно учитывать возникающие обстоятельства или складывающиеся условия в рамках конкретных процессуальных ситуаций и применять альтернативные процедуры для индивидуализации производства.

Ключевые слова:

уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальная форма, совершенствование, детализация, формализация, рамочное правовое регулирование, процессуальное решение, индивидуализация, участники уголовного судопроизводства, формальная определенность

Уголовно-процессуальное право Российской Федерации находится в состоянии перманентного совершенствования. Этот процесс объективен по своей сути, необходим и требует пристального внимания не только к содержанию, но и к идеям, которые обеспечивают его целевые установки и к методам осуществления.

В правовой науке высказывается вполне обоснованное и устоявшееся мнение, что «только ориентируясь на четкие и заранее установленные правовые предписания, субъектам права может быть обеспечена возможность планировать собственное поведение, а следовательно, и способность организовывать свою деятельность по собственному усмотрению» [\[21\]](#). Эта позиция объективно подтверждается в решениях Конституционного Суда РФ: неопределенность положений законодательства им оценивается негативно и трактуется как неисполнение законодателем своей обязанности защищать, охранять конституционные права граждан (Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П). Продолжая эту мысль, можно заключить, что только правовая определенность является залогом и главным условием надлежащего обеспечения прав и законных интересов участников правоотношений. Правовая определенность в условиях императивного характера уголовно-процессуального регулирования возможна только при наличии законодательно закрепленных правил. Иными словами, формализация уголовно-процессуальной деятельности выступает объективной потребностью защиты прав и законных интересов участников уголовно-процессуальных правоотношений.

С этим тезисом солидарны известные ученые, справедливо утверждающие, что

формализация непосредственно обеспечивает уголовно-процессуальные отношения «действенными правовыми гарантиями эффективности и доброкачественности промежуточных и окончательных результатов по уголовному делу» [\[18, с. 74\]](#).

Мы в целом можем поддержать эту идею и разделяем ее, но только в определенной части. Критическое отношение вызывает не только сама идея правовой определенности (которая, повторимся, действительно является состоятельной и необходимой), сколько тот тренд, который выработан в том числе в науке уголовного процесса, в раскрытии ее смысла, особенно применительно к уголовно-процессуальному законодательству.

В российской правовой науке сложилось убеждение о том, что правовая определенность является общеправовым принципом [\[4, 22\]](#), смысл которого выражается в максимальной определенности норм права (правового регулирования) [\[13\]](#), определенности соответствующей правоприменительной практики (правоотношений) [\[20, 81\]](#); определенности результата правоприменительной деятельности (в том числе судебного решения) [\[14, 9\]](#).

Отметим, что современное понимание правовой определенности и оценка ее позитивного значения и воздействия на правоотношения в основном выражается в потребности исключительно подробного законодательного регулирования этих отношений, включая уголовно-процессуальные. И в развитие этого представления, и для усиления его позитивной роли в регулировании уголовно-процессуальных отношений делаются многочисленные предложения о дополнении, конкретизации и детализации уголовно-процессуального закона.

Интересным в свете обсуждаемой проблемы выглядит утверждение: «Собиранию сведений о фактах и закреплению их в предусмотренных законом источниках отводится важнейшая роль. Это обстоятельство должен был учесть и надлежащим образом отрегулировать законодатель, разрабатывая и законодательно закрепляя институт допустимости (недопустимости) доказательств. Чего, к сожалению, не произошло. В результате правоприменитель столкнулся с проблемами при оценке допустимости доказательств» [\[2\]](#). Автор приведенной позиции целиком поглощен идеей подробного и максимально конкретного законодательного регулирования уголовно-процессуальной деятельности суда в части оценки допустимости доказательств. Соглашаясь в этом конкретном случае, что допустимость имеет формальные основания, мы не можем не выразить сомнений относительно необходимости настолько подробного формального регулирования указанной сферы уголовного судопроизводства.

В указанном отношении показательными являются и большинство научных результатов правовых исследований, когда практически каждое из них завершается предложениями о совершенствовании уголовно-процессуальной формы, как правило, детализирующих отдельные ее элементы.

Приведем лишь некоторые примеры с иллюстративной целью:

- предлагается регламентировать процедуру зачета времени при избрании иных мер пресечения в срок наказания (ст. 109 УПК РФ) [\[11, с. 24\]](#);
- обосновывается внесение дополнений, необходимых для учета особенностей и определения условий замены ненадлежащего гражданского ответчика, а также требуются четкие указания в УПК РФ для принятия судами решений об оставлении

гражданского иска без рассмотрения [\[19, с. 9,11\]](#);

– необходимо императивное установление ценовых рамок судебского усмотрения, но и перечня обязательных для судебной оценки обстоятельств при расчете сумму возмещения морального вреда [\[23\]](#);

– требуется внесение изменений в п. 3.2 ст. 196 УПК РФ в части назначения и производства психиатрических судебных экспертиз [\[1, с. 14\]](#).

Высказывается мнение, что «... смысл процессуальных отраслей права как раз и состоит в формализации применения норм права материального, а в части уголовного процесса – также и формализации привлечения к уголовной ответственности. Чем сложнее структурирована уголовно-процессуальная форма, тем она совершеннее, поскольку формальности – это как раз то, что в конечном счете защищает каждого из нас» [\[24\]](#).

Чем важны приведенные и иные предложения и мнения? На наш взгляд, каждая из них демонстрирует авторскую позицию по регулированию и порядку осуществления вполне конкретных уголовно-процессуальных действий либо принятию соответствующих процессуальных решений. Однако основное, в чем они совпадают – это внесение новых или дополнительных императивных правил в формальную (законодательную) основу. Причем в ряде случаев ученые не задумываются о том, что сформулированные ими проблемы могут быть решены и иными (помимо корректировки закона) способами.

С нашей точки зрения, принятие приведенных и иных высказанных в науке предложений имеет весьма высокую вероятность того, что выраженное в них стремление к правовой определенности, а, следовательно, и к усилию формализации регулирования приведет не к повышению уровня обеспечения прав и законных интересов, а к полной своей противоположности – нарушению и неправомерному их ограничению, вследствие невозможности выполнить все многочисленные правила, установленные законодателем. Полагаем, это путь в тупик: когда формализация одного направления, системно влечет аналогичную формализацию взаимосвязанных сфер и все вместе ведет к детализации, фрагментарности правил процедуры. Каков итог такого подхода? А итогом выступает слабая систематизация детальных правил, что приведет к противоречиям в регулировании нескольких процессуальных институтов, и, как следствие, к правовой неопределенности, потребующей продолжения детализации уголовно-процессуальной формы.

Схожей точки зрения придерживается И. И. Гусева, отмечая, что «излишний формализм в уголовно-процессуальной деятельности требует энергетических, временных, материальных затрат, искусственно усложняет процесс, поглощает его содержание и замедляет судопроизводство, порождает бездушный формализм» [\[5, с. 19\]](#).

Важной в контексте высказанной критической оценки формализации представляется точка зрения о том, что «не все научные проблемы стоит решать в судебно-властном порядке (это касается и вопроса о природе судебного решения), но уже само их осознание, "проговаривание" позволит обеспечивать единство судебной практики на совершенно ином уровне» [\[27, с. 150\]](#).

В сфере активной дискуссии находится идея «ослабить» формализацию уголовного судопроизводства пока еще не имеет широкого распространения, хотя в ее пользу высказываются видные ученые. С. В. Романов в своей работе отмечает, что, чрезмерная формализация сроков уголовного процесса, особенно в его судебных стадиях, также

недопустима [\[17, с. 304\]](#). По мнению А. И. Цыреторова «чрезмерная формальная определенность уголовного судопроизводства является одним из факторов, снижающих эффективность правоприменительной деятельности» [\[25\]](#).

О том, что формализация уголовного судопроизводства не всегда способствует надлежащему обеспечению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства отмечает М. Ю. Лебедев [\[10\]](#). Не менее категорично о формализации высказывается М. П. Поляков [\[15, с. 16\]](#). П. С. Пастухов, как негативную отмечает тенденцию к чрезмерной формализации уголовного судопроизводства [\[12, с. 153\]](#).

«Повсеместная формализация прав и обязанностей отдельных субъектов процессуальной деятельности (в особенности создание новых участников) не должна приводить к деформации классических процессуальных статусов» – делает вывод А. Ю. Чекотков [\[26\]](#).

«...в России (впрочем, и в целом на территории СНГ, по опыту переводчика) этот «торжественный» формализм достиг своей вершины» – отмечается в одной из работ [\[16\]](#).

Примеры аналогичных высказываний ученых можно продолжать. Однако, думаем, что и указанных случаев достаточно, чтобы проиллюстрировать остроту дискуссии и ее масштаб. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что противники не отрицают пользу формализации в целом. Однако, обстоятельно анализируя возникающие в связи с формализацией уголовного судопроизводства проблемы, ученые отмечают нежелательность излишней или избыточной ее степени. И в этой части полагаем слабость научной позиции заключается в том, что критерии формализации, те рамки, за пределами которых, формализация становится избыточной, практически не предлагаются. Соответственно судить о том, где в оценке формализации нужно поставить знак «плюс», а где «минус» не представляется возможным.

Так, например, полагаем вряд ли можно отрицать существование потребности в уточнении отдельных процессуальных правил. В качестве примера можно привести ситуацию с отсутствием единобразия в разрешении судами вопроса об основаниях взыскания расходов на адвоката в пользу реабилитированного лица по делам частного обвинения, а также о том, какие обстоятельства подлежат при этом установлению судом. Причина этой ситуации – правовая неопределенность, порождаемая отсутствием достаточного регулирования.

Можно привести и часто используемый в науке пример наделения защитника полномочием собирать доказательства (ч. 3 ст. 86 УПК РФ), но при этом остался без внимания законодателя механизм его реализации, что привело к правовой фикции. Или, вводя дополнительные преимущества для предпринимателей, обвиняемых в экономических преступлениях, подробно регулируя порядок избрания в их отношении мер пресечения, законодатель не предусмотрел возможность вменения совокупности составов, что дало возможность правопримениелям избирать заключение под стражу для предпринимателей, не обращая внимания на установленный запрет такого избрания, мотивируя свои решения тем, что законодатель установил соответствующий запрет только для обвиняемых по исключительно экономическим статьям уголовного закона.

С другой стороны, в одной из работ вполне уместно ставится вопрос относительно соблюдения права на пользование родным языком и способов преодоления злоупотребления этим правом. Отмечается, что органы предварительно расследования должны оценивать ситуацию, когда заявляется ходатайство о предоставлении

переводчика, индивидуально, а не предоставлять переводчика автоматически после заявления ходатайства [3, с. 23]. Получается, что удовлетворение ходатайства о предоставлении переводчика оценивается как жестко формализованная обязанность, при этом уровень формализации рассматривается как избыточный. На наш взгляд, такая критика является не вполне обоснованной и нуждается в дополнительных обоснованиях.

С точки зрения критериев оценки уровня формализации интерес представляет правовая позиция, в которой Конституционный Суд РФ отмечает правовую неопределенность, порождающую «возможность неограниченного усмотрения правоприменительных органов при определении процессуальных прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства, что, в свою очередь, означает нарушение вытекающего из Конституции Российской Федерации принципа юридического равенства, которое, ..., может быть обеспечено лишь при условии единообразного применения правовых норм, возможного только при наличии их формальной определенности, точности, ясности, недвусмысленности и согласованности в системе действующего правового регулирования» (Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П).

В приведенной выдержке мы обратим внимание на несколько моментов:

- Конституционный Суд РФ не приемлет неограниченного усмотрения, которое, по его мнению, нарушает принцип юридического равенства;
- неограниченное усмотрение является негативным только применительно к определению процессуальных прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства;
- условием юридического равенства может быть только единообразие применения правовых норм;
- единообразие же возможно только при наличии формальной определенности правовых норм (Это утверждение многократно повторено и в иных решениях Конституционного суда РФ: Определения от 17 февраля 2015 года № 301-О, от 23 июня 2016 года № 1267-О, от 25 мая 2017 года № 970-О, от 20 декабря 2018 года № 3366-О, от 25 июня 2019 года № 1792-О, от 28 мая 2020 года № 1291-О, от 27 мая 2021 года № 911-О, от 29 сентября 2022 года № 2155-О и др.).

Путем несложных логических операций на основании изложенных тезисов получаем закономерный вывод: неограниченное усмотрение рассматривается как негативный фактор, устранимый только исключительно посредством формализации правовых норм. И далее, формальная определенность обуславливает постановку перед законодателем задачи по углублению детализации содержания уголовно-процессуальных норм, т.е. насыщение их содержания все большим количеством индивидуально-определенных положений.

Последствием такого рода правовой позиции является расширение законодательного регулирования. Подчеркнем, что этот способ совершенствования законодательной основы уголовного судопроизводства является основным и продолжает активно развиваться.

В свете приведенных соображений считаем возможным высказать собственную позицию относительно поднятой проблемы. Любой механизм с течением времени устаревает, настоятельно проявляется потребность в его обновлении, которое может проходить как путем реконструкции имеющихся элементов, так и посредством замены старых или

дополнением механизма новыми элементами. Это же относится к достаточно однообразной тенденции совершенствования уголовно-процессуальной формы исключительно способом ее формализации.

Одним из альтернативных направлений как способа совершенствования уголовно-процессуального законодательства, в науке выдвигается так называемое рамочное регулирование. Смысл его в следующем: установка общей модели поведения путем расширения предмета правового регулирования [\[6\]](#). При этом, по мнению автора, пределы усмотрения правоприменителя при рамочном правовом регулировании носят «разный характер: могут быть строго установлены нормотворцем либо предполагать учет определенных особенностей (например, исторических, экономических, географических и др.)» [\[7\]](#).

Применительно к определению альтернативных способов совершенствования уголовного судопроизводства еще раз сошлемся на правовую позицию Конституционного Суда РФ, который полагает, что, например, уточнение порядка реабилитации возможно двумя способами: федеральным законодателем путем внесения изменений в действующее законодательство либо Верховным Судом Российской Федерации путем издания разъяснений по вопросам судебной практики (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 1057-О).

Сопоставляя имеющиеся подходы к регулированию уголовно-процессуальных правоотношений, отметим наличие положительных и отрицательных сторон у каждого.

Так положительные стороны формализации обосновываются основным аргументом – только формализованная процедура способна обеспечить достижение (выполнение) основной функции, ради которой, собственно, и создается уголовно-процессуальная форма – обеспечение прав и законных интересов субъектов уголовно-процессуальных отношений. В развитие этого тезиса отметим, что обеспечение прав и законных интересов – только часть функции уголовно-процессуальной формы. Полагаем, что другую ее часть, не менее значимую, составляет обеспечение публичных интересов. Соответственно уголовно-процессуальная форма в равной степени должна обеспечивать защиту как частных (личных), так и общественных (публичных) интересов. Вне формализации эта функция в полном объеме выполнена быть не может. С этим аргументом мы в целом согласны.

Однако полагаем, что нельзя не замечать растущую проблематичность усиления формализации уголовно-процессуальной формы. Поэтому в части отрицательной ее оценки отметим возрастающие объем и несистемность элементов уголовно-процессуальной формы. Иными словами усиление формализации приводит к увеличению числа противоречивых правил, которые не соответствуют иным уголовно-процессуальным положениям, не находятся с ними во взаимосвязи. Несистемные правовые предписания в сфере уголовно-процессуальной формы создают правовую неопределенность либо приводят как раз к неограниченному усмотрению, против которого активно выступает Конституционный Суд РФ.

Учитывая приведенные факты и обстоятельства можно с уверенностью утверждать, что усиление формализации уголовно-процессуальной формы приводит к результату прямо противоположному ожидаемому и негативно влияющему на уголовное судопроизводство в целом.

Соответственно, усиливающуюся формализацию уголовно-процессуальной формы в

целом мы склонны отнести к числу деструктивных факторов, а его преодоление возможно, на наш взгляд, двумя способами:

- 1) снижение уровня формализации уголовно-процессуальной формы;
- 2) при сохранении уровня формализации повышение требований к систематизации элементов уголовно-процессуальной формы, интегрируемых в уголовно-процессуальное законодательство (и уже в нем предусмотренных).

Второй из указанных способов может и должен быть реализован вне зависимости от дальнейших шагов законодателя по усилению или снижению темпов формализации. Как представляется, систематизация является обязательным условием дальнейшего прогрессивного развития уголовно-процессуальной формы в любом случае. В то же время при сохранении тенденции на повышение уровня формализации процедуры нужно быть готовыми к тому, что уголовно-процессуальное регулирование и дальше будет расширяться, увеличиваясь как количественно, так и углубляясь в качество (содержательно). Иными словами, будут появляться все новые и новые правила, детализирующие процедуру, охватывающие все новые отношения, которые либо существуют сейчас вне правового поля, либо возникнут в обозримом будущем. Соответственно будет сохраняться, а по нашему прогнозу и усиливаться проблема несистемного регулирования уголовно-процессуальной формы, будут углубляться трудности в межотраслевом взаимодействии уголовного судопроизводства. И эти процессы в развитии отечественного уголовного судопроизводства мы не можем рассматривать как позитивные.

Приоритет в развитии уголовно-процессуальной формы нами отдается первому из отмеченных способов, а именно – снижение нормативного давления на процедуру. Каков возможный путь его реализации?

Нам представляется, что в реализации указанного способа дальнейшего совершенствования уголовно-процессуальной формы как это не парадоксально, но должна сыграть свою позитивную роль индивидуализация, которая, собственно, и «запускает» процесс формализации. Однако, рассматривая индивидуализацию как способ введения в правовое поле индивидуально-определеных условий, признаков, оснований и других элементов уголовно-процессуальной формы, требующих правовой реакции, необходимо отметить, что ее потенциал может быть востребован и данном подходе – при снижении уровня формализации уголовно-процессуальной формы.

Наша идея в данном подходе заключается в том, чтобы в определенной степени учесть научную концепцию так называемого *рамочного процессуального регулирования*. Основным условием в этом подходе является признание законодателем и нормативное закрепление полномочий должностных лиц и государственных органов самостоятельно учитывать возникающие обстоятельства или складывающиеся условия в рамках конкретных процессуальных ситуаций и применять альтернативные процедуры для индивидуализации производства.

Такое решение законодателя, по нашему мнению, позволит оперативно учитывать индивидуально-определенные обстоятельства, складывающиеся ситуативно и действовать в рамках процедуры, хотя и не имеющей подробного формального нормативного определения, но отвечающей основным требованиям, определенным нормативно.

Библиография

1. Александров А.Н., Лашенко Р.А. Актуальные вопросы реализации органами предварительного расследования положений, предусмотренных п. 3.2 ч. 1 ст. 196 УПК РФ // Российский следователь. 2019. № 9. С. 12–16.
2. Балакшин В.С. Получение, собирание, формирование доказательств: проблемы толкования и применения при оценке допустимости доказательств // Законность. 2022. № 3. С. 35–36.
3. Буханов А.И. Злоупотребление правом на пользование родным языком участниками уголовного процесса // Российский следователь. 2022. № 6. С. 21–24.
4. Вилкова Т.Ю. Принципы уголовного судопроизводства в законодательстве государств с пандектной и институциональной системой права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 3. С. 18.
5. Гусева И.И. Унифицированный/дифференцированный подход к структуре уголовного процесса Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир. 2004. – 32 с.
6. Довгань К.Е. Довгань К.Е. Теория рамочного правового регулирования: монография. М.: Юрлитинформ, 2023. С. 14–15.
7. Довгань К.Е., Коваленко Н.Е. Соотношение рамочного и гражданского процессуального правового регулирования // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 2. С. 19–22.
8. Ковтун Н.Н., Ковтун И.С. Правовая определенность как принцип российского уголовно-процессуального права // Альманахъ. № 1: дискуссионные аспекты развития и применения уголовно-процессуального законодательства / под ред. М.П. Полякова, В.В. Терехина. Казань, 2018. С. 103–110.
9. Кулакова В.Ю. Правовая определенность судебного решения в свете реализации права на судебную защиту в суде кассационной инстанции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 7. С. 9–15.
10. Лебедев М.Ю. Принципы права как основа межотраслевого взаимодействия // Вестник гражданского процесса. 2021. № 3. С. 50–69.
11. Осодоева Н.В. Запрет определенных действий как самостоятельная мера пресечения в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2022. № 10. С. 20–24.
12. Пастухов П.С. Какой характер истины достаточен для реализации механизма уголовной ответственности? // Юридическая истина в уголовном праве и процессе. Сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. К.Б. Калиновского, Л.А. Зашляпина. СПб.: Петрополис, 2018. С. 153–164.
13. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. 3-е изд., стереотип. М., 2001. С. 89.
14. Поляков С.Б., Сидоренко А.И. Значение принципа правовой определенности в Постановлениях Европейского Суда по правам человека // Адвокат. 2014. № 7. С. 5–10.
15. Поляков М.П. «Процессуальное» и «непроцессуальное» как категории философии уголовного процесса // Уголовное судопроизводство. 2006. № 4. С. 14–19.
16. Прекращение финансового лизинга в связи с недостатками предмета лизинга: от *clausula de rebus sic stantibus* к учению о взаимозависимых договорах // Вестник гражданского права. 2021. № 3. С. 236–319.
17. Романов С.В. Разумный срок уголовного судопроизводства: Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусицын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головко. М.: Статут, 2016. – 1278 с.
18. Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 9. С. 67–79. С. 74.
19. Сойников М.А. Отдельные процессуальные аспекты возмещения вреда, причиненного

- транспортными преступлениями // Российский судья. 2019. № 4. С. 8–12.
20. Султанов А.Р. Восстановление нарушенных прав и правовая определенность // Российская юстиция. 2011. № 4. С. 58–61.
21. Третьяков С.В. Субъективное право, как «последняя абстракция» цивилистики: генезис и структурные компоненты классической волевой теории // Вестник гражданского права. 2020. № 2. С. 18–59.
22. Усачев А.А. Правовая определенность как основа уголовного судопроизводства: от теории к совершенствованию законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 8. С. 129–140.
23. Хазиева Е.М. Проблема унификации практики определения размера денежной компенсации морального вреда в порядке реабилитации // Российский судья. 2021. № 11. С. 3–7.
24. Цветков Ю.А. Привлечение в качестве обвиняемого-кульминация следственной идеи // Уголовное судопроизводство. 2022. № 1. С. 17–21.
25. Цыреторов А.И. Пути преодоления излишней жесткости уголовно-процессуальных форм // Российская юстиция. 2023. № 8. С. 38–44.
26. Чекотков А.Ю. Формальный и материальный подходы к регулированию процессуального статуса участников уголовного судопроизводства: необходимость установления баланса // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 207–213.
27. Шевченко И.М. О понятии «единобразие судебной практики» (на примере дел о банкротстве) // Российский юридический журнал. 2022. № 6. С. 144–155.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Правовая определенность и формализация в совершенствовании уголовно-процессуальной формы» предметом исследования являются принципы уголовно-процессуального права, такие как правовая определенность и формализация .

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Использовал автор такие методы научного познания как: формально-логический, сравнительно-правовой, историко-правовой, правового моделирования и др. Применение современных методов научного познания позволило изучить сложившиеся подходы, взгляды на предмет исследования, выработать авторскую позицию и аргументировать ее.

Актуальность исследования. Актуальность темы исследования, заявленной автором, не вызывает сомнения. Автор правильно отмечает, что «уголовно-процессуальное право Российской Федерации находится в состоянии перманентного совершенствования. Этот процесс объективен по своей сути, необходим и требует пристального внимания не только к содержанию, но и к идеям, которые обеспечивают его целевые установки и к методам осуществления. В правовой науке высказывается вполне обоснованное и устоявшееся мнение, что «только ориентируясь на четкие и заранее установленные правовые предписания, субъектам права может быть обеспечена возможность планировать собственное поведение, а следовательно, и способность организовывать свою деятельность по собственному усмотрению». Также можно согласиться с автором

статьи, что «... современное понимание правовой определенности и оценка ее позитивного значения и воздействия на правоотношения в основном выражается в потребности исключительно подробного законодательного регулирования этих отношений, включая уголовно-процессуальные. И в развитие этого представления, и для усиления его позитивной роли в регулировании уголовно-процессуальных отношений делаются многочисленные предложения о дополнении, конкретизации и детализации уголовно-процессуального закона». Действительно, данный вопрос требует дополнительных решений, к числу которых можно отнести новые доктринальные разработки в этой области, в целях совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики в этой сфере общественных отношений.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье впервые сформулированы заслуживающие внимания положения, например: «...наша идея в данном подходе заключается в том, чтобы в определенной степени учесть научную концепцию так называемого рамочного процессуального регулирования. Основным условием в этом подходе является признание законодателем и нормативное закрепление полномочий должностных лиц и государственных органов самостоятельно учитывать возникающие обстоятельства или складывающиеся условия в рамках конкретных процессуальных ситуаций и применять альтернативные процедуры для индивидуализации производства. Такое решение законодателя, по нашему мнению, позволит оперативно учитывать индивидуально-определенные обстоятельства, складывающиеся ситуативно и действовать в рамках процедуры, хотя и не имеющей подробного формального нормативного определения, но отвечающей основным требованиям, определенным нормативно». Автором по результатам написания статьи сделан ряд выводов и предложений, что указывает не только на важность этого исследования для юридической науки, но и определяет его практическую значимость.

Стиль, структура, содержание. Тема раскрыта, содержание статьи соответствует ее названию. Соблюдены автором требования по объему материала. Статья написана научным стилем, использована специальная юридическая терминология. Статья структурирована. Материал изложен последовательно, грамотно и ясно. Замечаний по содержанию нет.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников. Ссылки на источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. По спорным вопросам заявленной тематики представлена научная дискуссия, обращения к оппонентам корректные. Все заимствования оформлены ссылками на автора и источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «Правовая определенность и формализация в совершенствовании уголовно-процессуальной формы» рекомендуется к опубликованию. Статья соответствует тематике журнала «Юридические исследования». Статья написана на актуальную тему, отличается научной новизной и имеет практическую значимость. Данная статья может представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области уголовно-процессуального права, а также, будет полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Плещанов А.Г. К вопросу о критериях нормативного закрепления специальных полномочий представителя в цивилистическом процессе // Юридические исследования. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.12.72726
EDN: UATYNG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72726

К вопросу о критериях нормативного закрепления специальных полномочий представителя в цивилистическом процессе

Плещанов Александр Геннадьевич

кандидат юридических наук

доцент, кафедра гражданского процесса; Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева

620137, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, оф. 404

 algenp0911@gmail.com[Статья из рубрики "Судебная власть"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2024.12.72726

EDN:

UATYNG

Дата направления статьи в редакцию:

15-12-2024

Аннотация: Объектом исследования является один из основных элементов процессуально-правового статуса представителя в цивилистическом процессе — специальные полномочия представителя. Предметом исследования выступают нормы отраслей процессуального (гражданского, арбитражного и административного) права, регулирующие институт судебного представительства, а также работы учёных-процессуалистов по проблемам представительства в суде. Особое внимание уделяется анализу состояния правового регулирования состава специальных полномочий представителя как с точки зрения соответствия ныне закрепленного перечня этих полномочий критериям отнесения к специальным, так и с точки зрения возможности или необходимости его пополнения за счет новых прав сторон и других участвующих в деле лиц, получивших закрепление после вступления в силу ныне действующего ГПК РФ. Методологическую основу исследования составили следующие методы: анализ, синтез, системно-структурный, формально-логический, теоретико-прогностический,

сравнительно-правовой, толкование норм права. Новизна исследования состоит в том, что специальные полномочия впервые рассматриваются сквозь призму объективных критериев их нормативного закрепления, обусловленных правовой природой процессуальных действий, совершаемых представителем от имени представляемого. По результатам исследования сделаны следующие выводы. Нормативное закрепление состава специальных полномочий представителя должно основываться, прежде всего, на следующих критериях отнесения полномочий к числу специальных: распорядительная природа действий представителя, последствия действий представителя для доверителя, влияние действий представителя на возникновение и движение дела. Действие нескольких критериев одновременно в отношении того или иного полномочия необходимо рассматривать как фактор, дополнительно указывающий на необходимость их включения в состав специальных. Кроме критериев корректировка круга специальных полномочий должна учитывать: а) необходимость унифицированного подхода к регулированию вопроса о специальных полномочиях представителя в трех видах судопроизводства — гражданском, арбитражном и административном; б) появление новых прав сторон, возникновение которых с учетом критериев отнесения должно основываться на прямом закреплении в доверенности. На основе проведенного анализа влияния выделенных критериев на регулирование состава специальных полномочий представителя, а также с учетом необходимости устранения неоправданных расхождений в регулировании данного вопроса в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве высказаны предложения по дополнению перечня, предусмотренного ст. 54 ГПК РФ.

Ключевые слова:

судебный представитель, специальные полномочия представителя, общие полномочия представителя, движение дела, распорядительные действия сторон, право обжалования, последствия действий представителя, заключение медиативного соглашения, предъявление дополнительного требования, подписание искового заявления

Специальные полномочия представителя, наряду с общими полномочиями, а также обязанностями, являются неотъемлемым элементом его процессуально-правового статуса. Вопросы правового статуса представителя в гражданском процессе исследовали в своих работах такие ученые, как Л.В. Войтович, И.М. Зайцев, В.П. Ивакин, И.М. Ильинская, Л.Ф. Лесницкая, Я.А. Розенберг, Р.А. Сидоров, К.И. Скловский, Е.Г. Тарло С.А. Халатов, В.М. Шерстюк. В то же время вопрос о критериях нормативного закрепления специальных полномочий представителя заслуживает внимания в качестве самостоятельной проблемы, имеющей как теоретическую, так и практическую значимость.

Обобщая мнения ученых, можно констатировать, что под специальными в теории судебного представительства понимаются такие полномочия представителя, каждое из которых должно быть отдельно оговорено в выданной ему доверенности [\[3, с. 21-23; 10, с. 150-151; 11, с. 106-110\]](#). Нормативное регулирование данного элемента правового статуса представителя осуществляется путем установления закрытого перечня полномочий (ст. 54 ГПК РФ, ст. 62 АПК РФ, ст. 56 КАС РФ). Общие полномочия, напротив, возникают у представителя в силу закона, а потому не требуют указания в доверенности. Используя термин «полномочия» применительно к представителю, законодатель подчеркивает

нетождественность понятий «полномочие» и «право» (в субъективном смысле), что справедливо подмечено в литературе [\[1, с. 213; 2, с. 107-110\]](#). Полномочие процессуального представителя представляет собой своеобразный симбиоз субъективного права представителя на совершение от имени и в интересах представляемого процессуальных действий и обязанности совершить указанные действия [\[11, с. 102\]](#).

Среди факторов, обуславливающих актуальность вопроса о критериях закрепления специальных полномочий представителя необходимо назвать следующие: а) существенное повышение значимости института представительства вообще и профессионального представительства в частности в условиях усиления принципа состязательности в российском гражданском процессе; б) законодательное закрепление новых прав сторон, вопрос о видовой принадлежности которых в контексте статуса судебного представителя ранее в отечественной процессуальной теории не рассматривался (право выбора примирительной процедуры, право передачи дела из суда на урегулирование в рамках процедуры медиации, право на подачу заявления по вопросу о судебных расходах, понесенных в связи с рассмотрением дела, право заявлять ходатайство о рассмотрении дела в порядке упрощенного производства и некоторые другие); в) необходимость выработки унифицированного подхода к определению круга специальных полномочий во всех трех видах судопроизводства цивилистического процесса (гражданском, арбитражном, административном).

В этой связи представляется важным рассмотреть состояние правового регулирования состава специальных полномочий с использованием таких методов исследования, как анализ, синтез, формально-логический метод, а также метод толкования норм права, имея в виду, что именно эти методы позволяют объективно и всесторонне оценить состояние правового регулирования вопроса, которое включает в себя нормы различных институтов гражданского процессуального права (преимущественно содержащихся в главах 4, 5, 14.1, 39, 41, 41.1, 42 ГПК).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что за период действия (с момента принятия процессуальных кодексов по настоящее время) статьи процессуальных кодексов, посвященные полномочиям представителя, ни разу не подвергались какой-либо корректировке, будь-то изменение или дополнение.

С одной стороны, стабильность в правовом регулировании является оправданной, ведь процессуальная форма по определению вбирает в себя всё лучшее, что накоплено практикой правоприменения за длительный исторический период существования правосудия как функции государства [\[4, с. 4\]](#). С другой стороны, состав полномочий представителя, требующих закрепления в доверенности, должен время от времени корректироваться хотя бы ввиду закрепления новых процессуальных прав сторон и других участвующих в деле лиц, защита интересов которых в суде может осуществляться представителями. В противном случае существует опасность перехода стабильности регулирования в стагнацию, что не может оцениваться положительно. Не менее значимым фактором, обуславливающим необходимость корректировки нормативно установленного перечня специальных полномочий представителя, является продолжающаяся унификация процессуального законодательства. Вопрос о специальных полномочиях представителя, без сомнения, относится к числу вопросов, требующих единообразного регулирования во всех трех судопроизводствах цивилистического процесса — гражданском, арбитражном и административном — поскольку объективных оснований для дифференцированного регулирования указанного вопроса попросту не имеется. В реальности же наблюдается целый ряд ничем не оправданных расхождений в

регламентации рассматриваемого вопроса.

В основе оптимального регулирования состава специальных полномочий должны лежать четкие, выверенные (как с теоретической, так и с практической точки зрения) критерии, по которым законодатель относит те или иные полномочия представителя к числу специальных. При этом некоторые полномочия могут подпадать под действие сразу нескольких критериев, что, на наш взгляд, следует рассматривать как фактор, дополнительно указывающий на необходимость их включения в состав специальных.

Распорядительная природа действий представителя как критерий нормативного закрепления специальных полномочий представителя.

Такой фактор, как распорядительная природа прав сторон, играет, пожалуй, ведущую роль при определении круга специальных полномочий представителя. По справедливому замечанию Т. В. Сахновой, распорядительные права сторон (ст. 39 ГПК) имеют материально-правовой объект, а потому возникают у представителя по особому распоряжению стороны, выраженному в доверенности, причем, каждое распорядительное право указывается отдельно [\[8, с. 226, 235\]](#).

Простое сопоставление перечня специальных полномочий представителя, закрепленного в ст. 54 ГПК, и распорядительных актов сторон, предусмотренных ст. 39 ГПК, позволяет сделать следующий вывод: шесть из семи распорядительных актов включены законодателем в перечень специальных полномочий представителя и при этом составляют почти половину от общего объема таких полномочий (своего рода «костяк» специальных полномочий). Это права истца изменить основание или предмет иска, уменьшить размер исковых требований, отказаться от иска, право ответчика признать иск, право сторон окончить дело мировым соглашением. Аналогичной является природа права на получение присужденного имущества или денег: взыскатель, исходя из принципа диспозитивности, волен отказаться от получения того, что присудил суд в его пользу. В этом смысле исполнение решения тоже находится в сфере свободного распоряжения истца (взыскателя).

Таким образом, за рамками перечня специальных полномочий представителя законодатель оставляет только одно распорядительное право истца — право увеличить размер исковых требований. Логика в таком подходе, безусловно, присутствует: если увеличение размера исковых требований ведет к улучшению положения представляемого лица, то уменьшение — к его ухудшению (по сравнению с тем, которое имело место на момент предъявления иска). Казалось бы, такое положение вещей может быть основой для единообразного регулирования вопроса в гражданском и арбитражном процессах. Однако, ст. 62 АПК не относит к числу специальных полномочий представителя ни уменьшение, ни увеличение размера исковых требований, с чем трудно согласиться, особенно учитывая позицию ВС РФ, согласно которой, реализуя предусмотренное частью 1 статьи 49 АПК РФ право на уменьшение размера исковых требований, истец фактически отказывается от части иска; в случае возникновения неопределенности в вопросе о том, имели место уменьшение размера исковых требований или частичный отказ от иска, суды должны руководствоваться формулировкой соответствующего заявления истца, учитывая право истца на самостоятельное распоряжение процессуальными правами и должное осознание им различных последствий применения названных процессуальных институтов (п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 "О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции").

Полагаем, что право на увеличение размера исковых требований не требует включения в перечень специальных полномочий, поскольку увеличение размера исковых требований не несет в себе каких-либо рисков наступления негативных последствий для доверителя в случае совершения представителем данного процессуального действия. Необходимость доплаты государственной пошлины в соответствии с увеличенным размером исковых требований вряд ли можно считать негативным последствием, поскольку понесенные таким образом дополнительные финансовые затраты при удовлетворении иска в полном объеме будут компенсированы выигравшему дело доверителю в порядке распределения судебных расходов (ст. 98 ГПК).

В контексте распорядительной природы прав заслуживает отдельного внимания право истца на предъявление дополнительного требования. С формально-юридической точки зрения такого распорядительного права в цивилистическом процессе не существует, поскольку оно не предусмотрено ни одним из действующих процессуальных кодексов (ст. 39 ГПК, ст. 49 АПК, ст. 46 КАС). При этом ни процессуальная наука [\[5, с. 159\]](#) [\[9, с. 22-24\]](#), ни судебная практика (п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции») вполне обоснованно не рассматривают предъявление дополнительного требования как форму изменения предмета иска или как разновидность увеличения размера исковых требований. В то же время, по значимости последствий для истца предъявление дополнительного требования вполне сопоставимо с изменением предмета иска: оба распорядительных акта направлены на конкретизацию пределов испрашиваемой судебной защиты. В этой связи, на наш взгляд, было бы обоснованным закрепление права истца на предъявление дополнительного требования как самостоятельной формы распоряжения исковыми средствами защиты и включение данного права в перечень специальных полномочий представителя путем внесения дополнений в соответствующие статьи ГПК, АПК и КАС.

Право на заключение мирового соглашения (в том числе, по результатам процедуры судебного примирения) традиционно включается в состав специальных полномочий представителя. В таком подходе, на наш взгляд, находит выражение признание соответствия данного полномочия всем трем критериям специальных полномочий. Ведь в условиях, на которых стороны заключают мировое соглашение, выражается их двухстороннее волеизъявление по распоряжению предметом спора (распорядительная природа) и одновременно на окончание процесса без вынесения судебного решения (влияние на движение дела), а также принятие последствия в виде невозможности повторного обращения в суд с тождественным иском в будущем (значимость последствий действий представителя для доверителя).

Возникает вопрос: должно ли относиться к специальным полномочиям представителя право на заключение медиативного соглашения, которое достигнуто по результатам передачи спора для урегулирования в рамках процедуры медиации после возбуждения дела в суде? По нашему мнению, на данный вопрос должен быть дан утвердительный ответ на законодательном уровне, несмотря на то, что в настоящее время и в ГПК РФ, и в АПК РФ таковой отсутствует.

Возможно, законодатель сознательно не стал решать указанный вопрос, имея в виду, что объем полномочий представителя в рамках процедуры медиации не должен регулироваться процессуальным законом, поскольку доверенность, на основании которой он действует в рамках данной процедуры, по своей природе не является судебной. Иными словами, для осуществления представительства в рамках медиативной

процедуры достаточно доверенности на совершение юридически значимого действия (ст. 185 ГК).

Однако по действующему российскому закону о медиации различаются медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной без передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, и медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной *после передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда*. Причем первое из указанных видов соглашений, по мысли законодателя, представляет собой гражданско-правовую сделку, направленную на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей сторон. В отношении же второй разновидности медиативного соглашения закон наделяет стороны правом просить суд об утверждении такого соглашения в качестве мирового (ч. 3 ст. 12 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», далее — Закон о медиации).

Тогда возникает следующий вопрос: вправе ли представитель, который в соответствии с доверенностью имеет право на заключение медиативного соглашения, ходатайствовать об утверждении этого соглашения в качестве мирового, или полномочие на предъявление такого ходатайства должно отдельно оговариваться в доверенности?

Как видно из приведенной нормы, применение медиации в отношении спора, уже переданного на рассмотрение суда, служит основой для специального регулирования по вопросу об утверждении медиативного соглашения. Но в таком случае было бы логичным учитывать связь между медиацией и судебным процессом по конкретному спору и при решении вопроса о характере полномочий представителя по заключению медиативного соглашения и его передаче на утверждение в качестве мирового судом.

По нашему мнению, оптимальным было бы следующее решение обозначенных взаимосвязанных вопросов: право на заключение медиативного соглашения по результатам урегулирования спора, переданного на рассмотрение суда, возникает только при наличии прямого указания на него в доверенности; указание в доверенности права представителя на заключение медиативного соглашения означает также наличие у него права ходатайствовать об утверждении судом этого соглашения в качестве мирового. Если же представитель, ведущий дело в суде, не наделялся правом заключения медиативного соглашения в связи с передачей спора на урегулирование в рамках процедуры медиации, то представляется, что право ходатайствовать об утверждении такого соглашения в качестве мирового должно отдельно оговариваться в доверенности.

По-иному, как нам представляется, должен решаться вопрос о полномочии по заключению соглашения о проведении процедуры медиации (ст. 8 Закона о медиации). Это соглашение не затрагивает судьбы процесса, возбужденного в суде по спору, передаваемому на урегулирование с применением процедуры медиации, заключается после передачи спора из суда на медиацию и носит организационный характер. Поэтому отнесение данного полномочия к числу специальных прав представителя, возникающих на основе судебной доверенности, было бы некорректным с юридической точки зрения.

Последствия действий представителя для доверителя как критерий нормативного закрепления специальных полномочий представителя.

Зависимость между характером полномочий представителя и возможными последствиями его действий не вызывает сомнений: чем серьезнее последствия, тем выше вероятность

нормативного признания за полномочием статуса специального. Эта зависимость прослеживается, безусловно, и в распорядительных правах сторон, отнесенных к числу специальных полномочий представителя. Однако, не ограничивается рамками только этих полномочий.

Указанная зависимость, как представляется, находит свое выражение в следующих полномочиях представителя, закрепленных в ст. 54 ГПК: право на подписание искового заявления, передачу спора на рассмотрение третейского суда, предъявление встречного иска, а также право на передачу полномочий другому лицу (передоверие). На первый взгляд, перечисленные полномочия ничто не объединяет. Однако, при ближайшем рассмотрении можно установить некоторые общие признаки, а именно: все они предполагают позиционирование доверителя по вопросам, от решения которых зависит: а) эффективность деятельности представителя по защите интересов доверителя; б) результаты процесса (исход дела). Передача спора на рассмотрение третейского суда является выражением свободы выбора доверителем формы защиты в рамках уже возникшего в суде дела между государственной судебной и третейской. Предоставление представителю возможности предъявления встречного иска означает наделение его правом применения наиболее эффективного средства защиты против иска, которое может оказать радикальное влияние на результаты процесса по первоначальному иску как для доверителя (ответчика), так и для истца. Наконец, возможность передоверия отражает позицию доверителя по вопросу о возможности ведения его дела лицом, которого выберет представитель.

Отдельно хотелось бы остановиться на полномочиях, связанных с подписанием некоторых видов видов процессуальных обращений. До принятия действующего ГПК такие полномочия в гражданском процессе не рассматривались законодателем как специальные (ст. 46 ГПК РСФСР). Процессуальные кодексы 2002 г., а вслед за ними и КАС, придерживаются единого подхода: специального указания в доверенности требует как право на предъявление иска, так и право на подписание искового заявления. Причем, данный подход, как следует из системного толкования ст. 54 ГПК, ст. 62 АПК и ст. 56 КАС и норм, регулирующих содержание жалоб (апелляционной, кассационной и надзорной), распространяется и на обращение в суды вышестоящих инстанций: для подачи жалобы представитель должен подтвердить наличие у него права обжалования судебных постановлений, а для подписания жалобы — право подписания соответствующей жалобы (ч. 3 ст 322, ч. 5 ст. 378, ч. 3 ст. 390.5, ч. 3 ст. 391. З ГПК и соответствующие статьи АПК и КАС). Аналогичным образом вопрос урегулирован и Кодексом гражданского судопроизводства республики Беларусь от 11 марта 2024 г. № 359-3, далее — КГС РБ (ст. 97, ч. 7 ст. 561, п. 2 ч. 4 ст. 593, п. 2 ч. 4 ст. 617). Представляется, что такой подход является оправданным именно с точки зрения значимости возможных последствий действий представителя по подpisанию указанных обращений для доверителя, особенно, когда речь идет о генеральной доверенности. При оформлении полномочий представителя с помощью разовой доверенности оставление доверителем права подписания обращения в суд за собой вряд ли имеет какой-то практический смысл. Если представляемый доверяет представителю предъявление конкретного иска, то логично presupполировать, что он доверяет представителю и подписание соответствующего искового заявления. Несколько иначе обстоит дело с доверенностью генеральной, которая выдается на ведение всех или какой-то части дел от имени представляемого в рамках срока ее действия. При выдаче такой доверенности полномочия на предъявление иска и подписание искового заявления носят абстрактный характер (не связаны с конкретным гражданским делом) и доверитель может выбирать между предоставлением двух полномочий одновременно и предоставлением только

полномочия по предъявлению иска, оставляя за собой право подписания искового заявления, а значит и окончательного решения вопроса о предъявлении иска, имея в виду, что подача представителем искового заявления, не подписанного доверителем, будет практически невозможна. Тем самым применительно к генеральной доверенности наделение представителя сразу двумя полномочиями (и на предъявлении иска, и на подписание искового заявления) может рассматриваться как выражение высокого доверия, и, наоборот, оставление права подписания искового заявления за собой — как дополнительная гарантия принятия согласованного с доверителем решения по вопросу о реализации права на предъявлении иска. Аналогичная логика применима и к полномочиям по обжалованию судебного постановления и подписанию соответствующей жалобы (апелляционной, кассационной, надзорной).

Однако под критерий значимости последствий действий представителя для доверителя, по нашему мнению, подпадают еще несколько полномочий, которые в настоящее время не включены законодателем в перечень специальных полномочий представителя.

Прежде всего, в этой связи необходимо назвать право передавать спор на урегулирование в рамках примирительной процедуры. Сама возможность использования сторонами гражданского процесса медиации существует давно, а с 2019 года она составляет элемент более широкого права сторон — права на использование примирительной процедуры, которое охватывает процедуры переговоров, судебного примирения и медиации (ст. 153.3 ГПК, ст. 138.2 АПК, ст. 137.3 КАС). Однако, нормативное закрепление указанного права и всех трех процедур, его составляющих, никак не отразилось на составе специальных полномочий представителя. А между тем, передача спора на рассмотрение третейского суда и передача спора на урегулирование в рамках примирительной процедуры имеют общее происхождение как производные от права на выбор альтернативной процедуры урегулирования спора после возбуждения дела в суде. В этой связи представляется, что оба указанных права должны признаваться специальными полномочиями представителя. Так, по законодательству республики Беларусь, право на заключение соглашения о применении медиации, посредством которого все или отдельные споры передаются на урегулированию путем проведения медиации, требует специальной оговорки в доверенности (п. 13 ч. 2 ст. 97 КГС РБ). Различие в процессуальных последствиях применения этих полномочий (оставление иска без рассмотрения при передаче спора в третейский суд и отложение разбирательства в связи с передачей спора на урегулирование в рамках примирительной процедуры), на наш взгляд, не должно иметь решающей роли для определения статуса рассматриваемых полномочий как специальных. Принципиальное значение имеет то, что реализация обоих полномочий ведет к урегулированию спора вне судебного процесса и, соответственно, без судебного решения. Именно это последствие, как представляется, обусловливает значимость рассматриваемых полномочий с точки зрения доверителя, и, следовательно, за ним должно оставаться последнее слово в решении вопроса о наделении этими полномочиями своего договорного представителя.

В то же время, исходя из соображений разумной достаточности, представляется, что специальный характер должно носить полномочие на передачу спора для урегулирования с использованием двух из трех предусмотренных законодательством процедур — судебного примирения и медиации. Ведение представителем переговоров, как наименее формализованной примирительной процедуры, охватывается полномочием представителя на ведение дела. Ведь по сути переговоры мало чем отличаются от обсуждения условий мирового соглашения, возможность участия в котором (обсуждении) представителя не требует дополнительного полномочия. Иначе обстоит дел

с судебным примирением и медиацией, то есть процедурами объективно более сложными как с точки зрения организационной (привлечение нейтрального субъекта для урегулирования), так и собственно процедурной (необходимость ходатайства сторон, сроки проведения, взаимодействие между привлеченным примирителем, медиатором и судом и т. д.).

Заслуживающим отнесения к числу специальных, по нашему мнению, является и право на подписание заявления об обеспечении иска. Примечательно в этой связи, что в АПК данное полномочие отнесено законодателем к числу специальных (ч. 2 ст. 62 АПК), а в ГПК – нет (ст. 54 ГПК). Несколько иной вариант регулирования получил закрепление в КАС: к числу специальных данный кодекс относит право на заявление о применении мер предварительной защиты по административному иску (термином «меры предварительной защиты» КАС обозначает не что иное, как меры обеспечения иска). Иными словами, по КАС специальное указание в доверенности необходимо для возникновения права на подачу заявления о принятии мер обеспечения по административному иску, а не на его подписание. Представляется, что подход, использованный в АПК, является более оправданным: ведь подача заявления может рассматриваться как полномочие, производное от права на предъявление иска, а право под подписания заявления подчеркивает значимость самого вопроса, по которому подается заявление, подписанное представителем.

Говоря о субъективных процессуальных правах, сравнительно недавно закрепленных в ГПК, нельзя не отметить право на подачу заявления о возмещении судебных расходов (ст. 103.1 ГПК) и право давать согласие на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства, когда инициатива на его применение исходит от суда или стороны по делу ч. 2 ст. 232.2 ГПК). Что касается первого полномочия, вопрос о механизме его реализации длительное время оставался дискуссионным в науке, однако законодательное воплощение получил поход, согласно которому для взыскания возмещения по судебным расходам, когда данный вопрос не получил разрешения в итоговом судебном акте по делу, не требуется предъявления самостоятельного иска, а значит, и возбуждения нового процесса. Однако, механизм реализации сам по себе не влияет на существо и значимость вопроса, для разрешения которого этот механизм устанавливается. Полагаем, что вопрос о взыскании возмещения по судебным расходам относится к числу значимых для участников процесса вопросов, а следовательно, полномочие представителя на подписание заявления по вопросу о судебных расходах, понесенных в связи с рассмотрением дела в суде, должно рассматриваться как специальное, требующее прямого указания в доверенности.

Право на дачу согласия относительно рассмотрения дела по правилам упрощенного производства, безусловно, имеет диспозитивную природу, то есть отражает свободу выбора стороной наиболее удобной процедуры рассмотрения дела. Однако, значимость последствий его реализации для доверителя едва ли может быть признана достаточной для закрепления данного полномочия в качестве специального. Более того, можно констатировать перевес позитивных последствий (минимизация объема совершаемых процессуальных действий, а значит и судебных издержек за счет невозможности совершения целого ряда действий) над негативными (невынесение, по общему правилу, мотивированного решения, сокращение срока на апелляционное обжалование, исключение из материалов дела доказательств, представленных с нарушением установленного судом срока, при отсутствии уважительных причин для такого нарушения). Поэтому считаем, что для дачи представителем стороны согласия на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства было бы достаточно

предварительного согласования представителем позиции по данному вопросу со своим доверителем в письменной форме с приобщением подтверждающего документа к материалам дела.

Аналогичным образом, как представляется, должен решаться вопрос о передаче дела в другой суд по месту нахождения большинства доказательств. Для осуществления такой передачи закон требует наличия волеизъявления обеих сторон, выраженного в форме ходатайства (п. 2 ч. 2 ст. 33 ГПК). Право предъявления ходатайств относится к числу общих полномочий представителя (ст. 35 ГПК). Учитывая связь передачи дела в другой суд по рассматриваемому основанию с обязанностью по доказыванию, а, следовательно, и с принципом состязательности, было бы уместно рассматривать предварительное согласование представителем позиции по данному вопросу со своим доверителем в качестве обязательного условия предъявления им ходатайства в порядке п. 2 ч. 2 ст. 33 ГПК.

Влияние действий представителя на возникновение и движение дела как критерий нормативного закрепления специальных полномочий представителя.

Процессуальные действия сторон, посредством совершения которых обеспечивается движение дела, наряду с распорядительными полномочиями, традиционно рассматриваются как основные проявления принципа диспозитивности [8, с. 226]. Имеются в виду право на предъявление иска, право на обжалование судебных постановлений и право на предъявление исполнительного документа к взысканию. В этих действиях отчетливо проявляется роль волеизъявления участников процесса и, прежде всего сторон, как в возникновении процесса, так и в его переходе на стадии, следующие за производством в суде первой инстанции, а также в завершении процесса без вынесения судебного решения. Сама возможность влиять на движение процесса выступает как своего рода производная от заинтересованности в исходе дела, наличие которой признается как законодателем, так и процессуальной доктриной только за лицами, участвующими в деле, круг которых определен в ст. 34 ГПК. В этой связи логично, что законодатель предусматривает возникновение таких полномочий у представителя только на основании прямого указания на них в доверенности.

Однако влияние на движение дела (его возникновение) проявляется и в таких полномочиях, как право на подачу заявления о вынесении судебного приказа, право на предъявление заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, а также право на подачу заявления о пересмотре судебного постановления по вновь открывшимся или новым обстоятельствам. В этой связи представляется закономерным признание за первыми двумя из перечисленных полномочий представителя статуса специальных Верховным Судом РФ (п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве»; п. 26 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»).

Право на предъявление встречного иска, хотя и является родственным по отношению к праву на предъявление иска, по нашему мнению, не может рассматриваться в контексте влияния на движение дела, поскольку имеет иное предназначение — защита ответчика

против иска. Поэтому определяющее значение для включения данного полномочия в перечень ст. 54 ГПК, на наш взгляд, имели последствия действий представителя для доверителя. Аналогичным образом вопрос должен быть решен и в АПК РФ, который, вопреки указанной логике, не относит право на предъявление встречного иска к числу специальных полномочий представителя (ч. 2 ст. 62).

Опосредованное влияние на движение дела характерно для права стороны заявить возражение в отношении рассмотрения дела в суде ввиду наличия соглашения сторон о рассмотрении спора третейским судом (абз. 6 ст. 222 ГПК). По действующему законодательству, для возникновения у представителя данного полномочия не требуется прямого указания на него в доверенности (ст. 54 ГПК). Тем не менее, целью возражения, по мысли законодателя, является оставление иска без рассмотрения, то есть завершение процесса без вынесения решения. Таким образом, налицо зависимость между продолжением процесса и волеизъявлением стороны или ее представителя. В то же время о негативных последствиях для доверителя в результате выдвижения возражения в данном случае говорить не приходится. Единственный эффект, который может нести на себе негативный оттенок для доверителя в данном случае, - возникновение неопределенности относительно перспектив повторного предъявления истцом тождественного иска в общем порядке после устранения обстоятельств, послуживших основанием для оставления заявления без рассмотрения (ч. 2 ст. 223 ГПК). Однако такого рода последствие не может служить основанием для придания рассматриваемому полномочию представителя статуса специального. Думается, что предварительного согласования с доверителем, во избежание его негативной реакции на возникновение описанной неопределенности, будет достаточно для совершения представителем данного действия.

Особого внимания, по нашему мнению, заслуживает право на подачу заявления о пересмотре судебного постановления по вновь открывшимся или новым обстоятельствам (далее – право на подачу заявления о пересмотре). Если исходить из буквального толкования ст. 54 ГПК, вывод напрашивается сам собой: указанное в перечне данной статьи ГПК право обжалования судебных постановлений охватывает собой лишь право на подачу жалоб в вышестоящие инстанции с целью проверки и (или) пересмотра судебных актов и в результате – устранения судебной ошибки, то есть право на подачу апелляционной, кассационной и надзорной жалоб. Расширительное же толкование, несмотря на то, что его можно встретить в литературе [\[6, с. 754\]](#), в данном случае представляется невозможным по двум причинам: во-первых, перечень, предусмотренный ст. 54 ГПК, с точки зрения юридической техники носит закрытый характер; во-вторых, специальные нормы (каковой является норма о полномочиях, требующих указания в доверенности, по отношению к ст. 35 ГПК, предусматривающей полномочия, которые такого указания не требуют) подразумевают исключительно буквальное (ограничительное) толкование.

Безусловно, с точки зрения терминологического подхода, пересмотр по вновь открывшимся или новым обстоятельствам не отвечает ни одному из указанных признаков, присущих праву обжалования судебных постановлений: формой обращения за таким пересмотром является заявление, а не жалоба; заявление, по общему правилу, подается в суд, вынесший оспариваемое судебное постановление; целью подачи заявления является приведение судебного акта в соответствие с обстоятельствами, которые не могли быть приняты во внимание судом при вынесении оспариваемого судебного акта, а следовательно, не устранение судебной ошибки.

Если же исходить из существа вопроса, а оно выражено в критериях отнесения полномочий представителя к числу специальных, право обжалования и право на подачу заявления о пересмотре ничем принципиально друг от друга не отличаются. Причем, как и в случае с правом обжалования судебных постановлений, основания для отнесения права подачи заявления о пересмотре к числу специальных обнаруживаются по двум из трех критериев.

Так, влияние права на подачу заявления о пересмотре на движение дела представляется очевидным: посредством волеизъявления на пересмотр, выраженного в заявлении, лицо, участвующее в деле, инициирует деятельность суда, вынесшего оспариваемое судебное постановление, направленную на повторное рассмотрение дела с учетом существенного для данного дела юридически значимого обстоятельства, которое по объективным причинам не могло быть учтено при первичном рассмотрении дела. Тот факт, что рассматриваемое влияние не носит поступательно восходящего характера, не меняет сути дела: да, современная система проверки судебных актов вышестоящими судами построена на начале последовательного обжалования (каждая следующая по иерархии инстанция привлекается к проверке судебного акта после исчерпания возможностей для отмены или изменения судебного акта в нижестоящей инстанции), но ведь движение дела не всегда имеет поступательно восходящий характер, да и сама суть движения подразумевает продолжение процесса через деятельность субъектов, а не только переход из нижестоящей инстанции в вышестоящую. Что же касается зависимости возникновения как проверки, так и пересмотра судебных постановлений от воли заинтересованных в них (проверке, пересмотре) лиц, то в этом вопросе законодатель придерживается единого подхода (ч. 2 ст. 320, ч. 1 ст. 376, ч. 1 ст. 390.2, ч. 1 ст. 391.1, ч. 1 ст. 394 ГПК).

С точки зрения последствий действий представителя для доверителя, право на подачу заявления о пересмотре заслуживает отнесения к числу специальных прав представителя в не меньшей степени, чем право обжалования судебных постановлений. Результат пересмотра, как и обжалования, предполагает отмену судебного постановления. После отмены осуществляется рассмотрение дела с учетом вновь открывшегося или нового обстоятельства, которое будучи существенным для дела по определению, с неизбежностью приведет к принятию решения, прямо противоположного тому, в отношении которого подавалось заявление о пересмотре. Именно это должно иметь, по нашему мнению, решающее значение для включения права на подачу заявления о пересмотре в перечень ст. 54 ГПК, и следует отметить, что такой подход уже нашел отражение в КГС Республики Беларусь (п. 10, 11 ч. 2 ст. 97).

В качестве контраргумента может быть выставлено различие в мотивации на обжалование и на пересмотр. Побудительным мотивом обжалования обычно является несогласие с решением или иным судебным постановлением по существу, то есть с основным выводом суда. Этот мотив носит субъективный характер. В случае с подачей заявления о пересмотре на передний план выходит само наличие обстоятельства, обуславливающего необходимость отмены решения суда. Этот фактор объективен сам по себе. Однако вопрос о том, воспользоваться ли имеющимся основанием в виде вновь открывшегося или нового обстоятельства, все равно решается лицом, уполномоченным на подачу такого заявления, исходя из заинтересованности на отмену судебного акта. Поэтому приведенный контраргумент представляется явно недостаточным для непризнания права на подачу заявления о пересмотре специальным полномочием представителя.

Нельзя не отметить, что ст. 62 АПК и ст. 56 КАС, а также ч. 2 ст. 84 проекта единого ГПК

РФ [11, с. 46], в отличие от ст. 54 действующего ГПК, относят право на подписание заявления о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся или новым обстоятельствам к числу специальных полномочий представителя, что представляется вполне обоснованным, но все-таки недостаточным шагом законодателя. Ведь право на подачу заявления о пересмотре все три указанных акта оставляют за рамками перечня специальных полномочий. Противоположный подход нашел закрепление в Кодексе гражданского судопроизводства республики Беларусь: право на подачу заявления, как уже было отмечено, отнесено им к числу специальных, в то время как право на подписание заявления о пересмотре ввиду отсутствия прямого указания в законе, может рассматриваться лишь как общее (ч. 2 ст. 97, ч. 3 ст. 633 КГС РБ).

Проведенный нами анализ свидетельствует о том, что регулирование полномочий, связанных с проверкой и пересмотром судебных актов, должно подчиняться единой логике: к числу специальных прав представителя должны относиться как правомочия по подписанию жалобы и заявления о пересмотре, так и право на подачу жалобы и заявления о пересмотре. И, конечно же, указанная логика должна в равной мере применяться ко всем трем видам судопроизводства, опосредующим отправление правосудия по гражданским делам, - гражданскому, арбитражному и административному.

В заключение хотелось бы подвести некоторые итоги.

Регулирование специальных полномочий представителя требует совершенствования. В основу такого совершенствования должны быть положены, прежде всего, критерии отнесения полномочий к числу специальных. Кроме критериев корректировка круга специальных полномочий должна учитывать необходимость унифицированного подхода к регулированию вопроса о специальных полномочиях представителя в трех видах судопроизводства — гражданском, арбитражном и административном. Наконец, перечень специальных полномочий представителя требует расширения в связи с законодательным закреплением новых прав сторон, возникновение которых у представителя той или иной стороны (с учетом критериев отнесения к числу специальных) должно ставиться в зависимость от прямого закрепления каждого из них в доверенности.

С учетом изложенного перечень специальных полномочий представителя в цивилистическом процессе нуждается в дополнении следующими полномочиями:

- по критерию распорядительной природы действий представителя — на предъявление дополнительных требований, на заключение медиативного соглашения по результатам применения процедуры медиации по спору, переданному на рассмотрение суда, а при отсутствии в доверенности специальной оговорки о данном полномочии, также право ходатайствовать об утверждении такого соглашения в качестве мирового; только в АПК также право на уменьшение размера исковых требований;
- по критерию последствий действий представителя для доверителя — на передачу дела для урегулирования с использованием процедур судебного примирения и медиации, на подачу заявления о возмещении судебных расходов, на подписание заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, апелляционной, кассационной и надзорной жалоб, а в ГПК также на подписание заявления о пересмотре решения по вновь открывшимся обстоятельствам и на подписание заявления об обеспечении иска; только в АПК — на предъявление встречного иска;
- по критерию влияния действий представителя на возникновение и движение дела — на

предъявление заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, на подачу заявления о пересмотре судебного постановления (судебного акта) по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Различия по составу специальных полномочий между гражданским процессом, с одной стороны, и арбитражным процессом, а также административным судопроизводством, с другой стороны, могут сохраняться лишь применительно к тем правам сторон, которые пока не получили закрепления в ГПК. Это право подписания отзыва на исковое заявления (закреплен только в АПК) и соглашения по фактическим обстоятельствам (закреплено в АПК и КАС). Однако указанные различия могут рассматриваться как временные, на период до их нормативного закрепления в ГПК, которое можно оценить как весьма вероятное в среднесрочной перспективе.

Библиография

1. Гражданское процессуальное право России / Под ред. С.Ф. Афанасьева. М., 2013. – 879 с.
2. Войтович Л. В. Ведение дел в гражданском и арбитражном процессе посредством действий представителя: монография. – Хабаровск, 2009. – 139 с.
3. Зайцев И. М. Полномочия представителя в гражданском процессе // Советская юстиция. – 1988. – № 21. – С. 21–23.
4. Комиссаров К. И. Последовательно прогрессивное развитие советского гражданского процессуального права // Проблемы действия и совершенствования советского гражданского процессуального законодательства. – Свердловск: Изд-во СЮИ им. Р.А. Руденко, 1982. – С. 3–17.
5. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. В.В. Яркова. – М., 2020. – 1071 с.
6. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.В. Яркова. – М., 2021. – 928 с.
7. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. – М.: Статут, 2015. – 224 с.
8. Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. – М., 2008. – 696 с.
9. Скуратовский М. Л. Дополнение иска в арбитражном процессе – злоупотребление? // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. № 7. – С. 22–24. – DOI: 10.18572/1812-383X-2023-7-22-24
10. Тарло Е. Г. Профессиональное представительство в суде. – М., 2004. – 416 с.
11. Халатов С. А. Представительство в гражданском и арбитражном процессе. – М., 2002. – 205 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, критерии нормативного закрепления специальных полномочий представителя в цивилистическом процессе. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования не обосновывается. Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Не менее значимым фактором, обусловливающим необходимость корректировки нормативно установленного перечня специальных полномочий представителя, является продолжающаяся унификация процессуального законодательства. Вопрос о специальных полномочиях представителя, без сомнения, относится к числу вопросов, требующих единообразного регулирования во всех трех судопроизводствах цивилистического процесса — гражданском, арбитражном и административном — поскольку объективных оснований для дифференцированного регулирования указанного вопроса попросту не имеется. В реальности же наблюдается целый ряд ничем не оправданных расхождений в регламентации рассматриваемого вопроса"; "В контексте распорядительной природы прав заслуживает отдельного внимания право истца на предъявление дополнительного требования. С формально-юридической точки зрения такого распорядительного права в цивилистическом процессе не существует, поскольку оно не предусмотрено ни одним из действующих процессуальных кодексов (ст. 39 ГПК, ст. 49 АПК, ст. 46 КАС). При этом ни процессуальная наука [5, с. 159] [9, с. 22-24], ни судебная практика (п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции») вполне обоснованно не рассматривают предъявление дополнительного требования как форму изменения предмета иска или как разновидность увеличения размера исковых требований. В то же время, по значимости последствий для истца предъявление дополнительного требования вполне сопоставимо с изменением предмета иска: оба распорядительных акта направлены на конкретизацию пределов испрашиваемой судебной защиты. В этой связи, на наш взгляд, было бы обоснованным закрепление права истца на предъявление дополнительного требования как самостоятельной формы распоряжения исковыми средствами защиты и включение данного права в перечень специальных полномочий представителя путем внесения дополнений в соответствующие статьи ГПК, АПК и КАС"; "По нашему мнению, оптимальным было бы следующее решение обозначенных взаимосвязанных вопросов: право на заключение медиативного соглашения по результатам урегулирования спора, переданного на рассмотрение суда, возникает только при наличии прямого указания на него в доверенности; указание в доверенности права представителя на заключение медиативного соглашения означает также наличие у него права ходатайствовать об утверждении судом этого соглашения в качестве мирового. Если же представитель, ведущий дело в суде, не надеялся правом заключения медиативного соглашения в связи с передачей спора на урегулирование в рамках процедуры медиации, то представляется, что право ходатайствовать об утверждении такого соглашения в качестве мирового должно отдельно оговариваться в доверенности. По-иному, как нам представляется, должен решаться вопрос о полномочии по заключению соглашения о проведении процедуры медиации (ст. 8 Закона о медиации). Это соглашение не затрагивает судьбы процесса, возбужденного в суде по спору, передаваемому на урегулирование с применением процедуры медиации, заключается после передачи спора из суда на медиацию и носит организационный характер. Поэтому отнесение данного полномочия к числу специальных прав представителя, возникающих на основе судебной доверенности, было бы некорректным с юридической точки зрения. Последствия действий представителя для доверителя как критерий нормативного закрепления специальных полномочий представителя" и др. Таким образом, статья

вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует критерии нормативного закрепления специальных полномочий представителя в цивилистическом процессе, анализирует с этой точки зрения действующее процессуальное законодательство, выявляет соответствующие проблемы правового регулирования и предлагает пути их решения. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Полагаем, что необходимость специального указания в доверенности права увеличения размера исковых требований представляется излишним, ведь никаких рисков или негативных последствий для доверителя совершение данного действия вызвать не может" - "излишней".

Ученый отмечает: "Однако, влияние на движение дела (его возникновение) проявляется и в таких полномочиях, как право на подачу заявления о вынесении судебного приказа, право на предъявление заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, а также право на подачу заявления о пересмотре судебного постановления по вновь открывшимся или новым обстоятельствам" - первая запятая является лишней.

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки.

Следует избегать обращения к аудитории от первого лица единственного числа ("Полагаю, что в основе оптимального регулирования состава специальных полномочий должны лежать четкие, выверенные (как с теоретической, так и с практической точки зрения) критерии, по которым законодатель относит те или иные полномочия представителя к числу специальных").

Библиография исследования представлена 11 источниками (монографиями, научными статьями, учебниками, комментариями). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (В.В. Ярков и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно, положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Регулирование специальных полномочий представителя требует совершенствования. В основу такого совершенствования должны быть положены, прежде всего, критерии отнесения полномочий к числу специальных. Кроме критериев корректировка круга специальных полномочий должна учитывать необходимость унифицированного подхода к регулированию вопроса о специальных полномочиях представителя в трех видах судопроизводства — гражданском, арбитражном и административном. Наконец, перечень специальных полномочий представителя требует расширения в связи с законодательным закреплением новых прав сторон, возникновение которых у представителя той или иной стороны (с учетом критериев отнесения к числу специальных) должно ставиться в зависимость от прямого закрепления каждого из них в доверенности. С учетом изложенного перечень специальных полномочий представителя в цивилистическом процессе нуждается в дополнении следующими полномочиями: — по критерию распорядительной природы действий представителя — на предъявление

дополнительных требований, на заключение медиативного соглашения по результатам применения процедуры медиации по спору, переданному на рассмотрение суда, а при отсутствии в доверенности специальной оговорки о данном полномочии также право ходатайствовать об утверждении такого соглашения в качестве мирового; только в АПК также право на уменьшение размера исковых требований; — по критерию последствий действий представителя для доверителя - на передачу дела для урегулирования с использованием процедур судебного примирения и медиации, на подачу заявления о возмещении судебных расходов, на подписание заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, апелляционной, кассационной и надзорной жалоб, а в ГПК также на подписание заявления о пересмотре решения по вновь открывшимся обстоятельствам и на подписание заявления об обеспечении иска; только в АПК - на предъявление встречного иска; — по критерию влияния действий представителя на возникновение и движение дела - на предъявление заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, на подачу заявления о пересмотре судебного постановления (судебного акта) по вновь открывшимся или новым обстоятельствам. Различия по составу специальных полномочий между гражданским процессом, с одной стороны, и арбитражным процессом, а также административным судопроизводством, с другой стороны, могут сохраняться лишь применительно к тем правам сторон, которые пока не получили закрепления в ГПК. Это право подписания отзыва на исковое заявления (закреплен только в АПК) и соглашения по фактическим обстоятельствам (закреплено в АПК и КАС). Однако указанные различия могут рассматриваться как временные, на период до их нормативного закрепления в ГПК, которое можно оценить как весьма вероятное в среднесрочной перспективе" и др.), они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере гражданского процесса, арбитражного процесса, административного процесса при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования, обосновании актуальности его темы, устранении нарушений в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «К вопросу о критериях нормативного закрепления специальных полномочий представителя в цивилистическом процессе» предметом исследования является правовой институт представительства в гражданском (в широком смысле слова, который наряду с гражданским, включает арбитражный и административный) процессе.

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Применение современных методов (таких как, теоретико-правовой, историко-правовой и др.) позволило автору сформировать собственную аргументированную позицию по заявленной проблематике.

Актуальность исследования. Актуальность темы исследования не вызывает сомнения.

Автор правильно отмечает, что «среди факторов, обуславливающих актуальность вопроса о критериях закрепления специальных полномочий представителя необходимо назвать следующие: а) существенное повышение значимости института представительства вообще и профессионального представительства в частности в условиях усиления принципа состязательности в российском гражданском процессе; б) законодательное закрепление новых прав сторон, вопрос о видовой принадлежности которых в контексте статуса судебного представителя ранее в отечественной процессуальной теории не рассматривался (право выбора примирительной процедуры, право передачи дела из суда на урегулирование в рамках процедуры медиации, право на подачу заявления по вопросу о судебных расходах, понесенных в связи с рассмотрением дела, право заявлять ходатайство о рассмотрении дела в порядке упрощенного производства и некоторые другие); в) необходимость выработки унифицированного подхода к определению круга специальных полномочий во всех трех видах судопроизводства цивилистического процесса (гражданском, арбитражном, административном)». Данные обстоятельства обуславливают необходимость доктринальных разработок по данной проблематике в целях совершенствования правового института представительства в цивилистическом процессе.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье впервые сформулированы положения, отличающиеся научной новизной: например, «...С учетом изложенного перечень специальных полномочий представителя в цивилистическом процессе нуждается в дополнении следующими полномочиями:

- по критерию распорядительной природы действий представителя — на предъявление дополнительных требований, на заключение медиативного соглашения по результатам применения процедуры медиации по спору, переданному на рассмотрение суда, а при отсутствии в доверенности специальной оговорки о данном полномочии, также право ходатайствовать об утверждении такого соглашения в качестве мирового; только в АПК также право на уменьшение размера исковых требований;
- по критерию последствий действий представителя для доверителя - на передачу дела для урегулирования с использованием процедур судебного примирения и медиации, на подачу заявления о возмещении судебных расходов, на подписание заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, апелляционной, кассационной и надзорной жалоб, а в ГПК также на подписание заявления о пересмотре решения по вновь открывшимся обстоятельствам и на подписание заявления об обеспечении иска; только в АПК - на предъявление встречного иска;
- по критерию влияния действий представителя на возникновение и движение дела - на предъявление заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, на подачу заявления о пересмотре судебного постановления (судебного акта) по вновь открывшимся или новым обстоятельствам». В статье содержатся и другие положения, не только отличающиеся научной новизной, но и имеющие практическую значимость, которые можно расценить как вклад в отечественную доктрину.

Стиль, структура, содержание. Тема раскрыта, содержание статьи соответствует ее названию. Соблюдены автором требования по объему материала. Статья написана научным стилем, использована специальная юридическая терминология. Статья структурирована. Материал изложен последовательно, грамотно и ясно. Автор не только обозначает существующие проблемы, но и предлагает свои решения, которые заслуживают внимания. Замечаний по содержанию нет. Однако в тексте статьи

встречаются опечатки (например, "рассмаотрении").

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников. Ссылки на источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. По спорным вопросам заявленной тематики представлена научная дискуссия, обращения к оппонентам корректные. Все заимствования оформлены ссылками на автора и источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «К вопросу о критериях нормативного закрепления специальных полномочий представителя в цивилистическом процессе» рекомендуется к опубликованию. Статья соответствует тематике журнала «Юридические исследования». Статья написана на актуальную тему, отличается научной новизной и имеет практическую значимость. Данная статья могла бы представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области гражданского процессуального права, арбитражного процессуального права и административного судопроизводства, а также, была бы полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Англоязычные метаданные

Surrender: forms of fixation and rules of use in the process of investigation and consideration of a criminal case

Chabukiani Oksana Alekseevna

Doctor of Law

Professor; Department of Criminal Procedure; St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
 Professor; Department of Criminal Procedure; St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

191015, Russia, Saint Petersburg, Pilyutov ave., 1, room 733

✉ oksana_kartohina@mail.ru

Makarova Elena Nikolaevna

PhD in Law

Deputy Head of the Department; Department of Special and Automotive Engineering; St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

198206, Russia, Saint Petersburg, Pilyutov Pilot str., 1, room 728

✉ makarova_elena78@bk.ru

Abstract. The object of the study is the doctrinal understanding of surrender, the procedural relations that arise between a person reporting the fact of a crime committed by him or in complicity with him, a defender and an employee of the criminal prosecution authority upon receipt of a reason to initiate a criminal case or testimony of a suspect, judicial practice of recognizing surrender as evidence in a criminal case. The purpose of the study is to identify trends in law enforcement practice and consider the possibility of using a confession as evidence in a criminal case. The research methods of the study: the method of analysis (when studying reviews of the courts of appeal and cassation regarding the recognition of the absence of a defender upon receipt of a confession as inadmissible evidence in a criminal case); the method of generalization (when drawing conclusions about the forms of fixing the fact that a person who applied to law enforcement agencies committed a crime). Turning himself in is one of the controversial points in terms of guarantees of participation in such a report of a crime by a lawyer. The revealed forms and methods of bringing the fact of a socially dangerous act committed by a person does not allow to guarantee in all cases the timeliness of inviting a defender (for example, the perpetrator of an accident reporting the fact of hitting a pedestrian with subsequent appearance in the criminal prosecution authorities). Taking into account the diversity of such appeals, as well as respecting constitutional rights, we suggest that in all cases informing law enforcement agencies and appearing before criminal prosecution authorities be considered a mitigating circumstance, regardless of whether the subsequent confession will be recognized as inadmissible evidence in a criminal case.

Keywords: reporting a crime, defender, invalid proof, proof, mitigating circumstances, proof of guilt, initiation of a criminal case, surrender, indications, the right to protection

References (transliterated)

1. Antonov, O. A. Yavka s povinnoi pri transportnykh prestupleniyakh / O. A. Antonov // Transportnoe pravo i bezopasnost'. – 2021. – № 4 (40). – S. 168-174.

2. Bondarenko, N. S. Yavka s povinnoi kak obstoyatel'stvo, smyagchayushchee nakazanie / N. S. Bondarenko // Pravovye problemy ukrepleniya rossiiskoi gosudarstvennosti : Sbornik statei, Tomsk, 26–28 yanvarya 2023 goda. – Tomsk: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet, 2023. – S. 12-14.
3. Dontsov, A. V. Yavka s povinnoi kak smyagchayushchee nakazanie obstoyatel'stvo: tipichnye oshibki / A. V. Dontsov // Primenenie Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii v sudebnoi deyatel'nosti: problemy teorii i praktiki: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 16 noyabrya 2023 goda. – Moskva: RG-Press, 2024. – S. 191-197.
4. Grigor'ev, V. N., Terekhov, A. Yu., Terekhov, M. Yu. Nauchnyi kommentarii nekotorykh obstoyatel'stv yavki s povinnoi / V. N. Grigor'ev, A. Yu. Terekhov, M. Yu. Terekhov // Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii. – 2015. – № 2(33). – S. 63-70.
5. Lazareva, V. A. O nekotorykh obvinitel'nykh tendentsiyakh v sudebnoi praktike i emansipatsii protsessual'noi formy dokazatel'stv / V. A. Lazareva // Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye problemy ugolovnogo sudoproizvodstva: voprosy teorii, zakonodatel'stva, praktiki primeneniya» (k 5-letiyu UPK RF). – Moskva, 2007. – S. 230-238.
6. Lapatnikov, M. V. Yavka s povinnoi kak argument vinovnosti litsa v ugolovnom sudoproizvodstve / M. V. Lapatnikov // Yuridicheskaya tekhnika. – 2013. № 7 (ch. 1). – C. 170-172.
7. Lapatnikov, M. V., Shautaeva G. Kh. Yavka s povinnoi kak dokazatel'stvo v ugolovnom protsesse / M. V. Lapatnikov, G. Kh. Shautaeva // Ugolovnyi protsess. – 2022. – № 1 (205). – S. 74-82.
8. Pakhomova, E. A. Yavka s povinnoi v tsifrovyykh realiyakh: k voprosu o novykh vozmozhnostyakh / E. A. Pakhomova // Perspektivnye nauchnye issledovaniya: opyt, problemy i perspektivy razvitiya : Sbornik nauchnykh statei po materialam X Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ufa, 04 aprelya 2023 g. Tom Chast' 2. – Ufa: Obshchestvo s ogranicennoi otvetstvennost'yu «Nauchno-izdatel'skii tsentr "Vestnik nauki"», 2023. – S. 189-192.
9. Smol'kova, I. V. Yavlyaetsya li yavka s povinnoi priznaniem obvinyaemym svoei viny? / I. V. Smol'kova // Sudebnaya vlast' i ugolovnyi protsess. – 2017. – № 3. – S. 114-119.
10. Suprun, S. V. Yavka s povinnoi v organakh vnutrennikh del i perspektivy ee razvitiya v ugolovnom sudoproizvodstve / S. V. Suprun // Ugolovnoe sudoproizvodstvo Rossii: problemy i perspektivy razvitiya : Materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 27 noyabrya 2020 g. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, 2020. – S. 312-315.
11. Khaidarov, A. A. Yavka s povinnoi: dopustimost' i priznanie v kachestve smyagchayushchego nakazanie obstoyatel'stva / A. A. Khaidarov // Ugolovnyi protsess. – 2020. – № 1(181). – S. 50-52.
12. Shadrin, V. S., Chubykin, A. V. Yavka s povinnoi: predposylki i problemy ispol'zovaniya v dokazyvanii po ugolovnym delam / V. S. Shadrin, A. V. Chubykin // Ugolovnoe pravo. – 2021. – № 11(135). – S. 57-64.

The role of digital platforms in public administration

Starodubova Olesya Evgen'evna

Researcher, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

34 Bolshaya Cheremushkinskaya str., office 203, Moscow, 117218, Russia

✉ olesyastarodubova@gmail.com

Abstract. The object of the study is public relations in the field of public administration. The subject of the study is a set of norms of administrative and information law that regulate relations arising in the process of digital transformation of public administration, as well as the creation and functioning of digital platforms. The author examined various approaches to defining public administration and analyzed the impact of digitalization on the quality of public administration. The strategic importance of digital platforms is noted - an integral element of the digital transformation of public administration as a national development goal of Russia, helping to increase its efficiency and citizen satisfaction with the quality of services provided in electronic form. Selected legislative initiatives in the field of functioning of digital platforms are covered. Legislative innovations in the field of personal data protection are analyzed. Information security trends are presented. The methodological basis of this study is the formal legal method, as well as general scientific methods of analysis and generalization. The main conclusions of the study are statements about the beginning of the transition to a platform model of public administration, the need to implement an additional set of legal, organizational and technological measures in connection with these processes, and to build a correct conceptual and categorical apparatus. Digital platforms in the field of public administration as technological complexes should simplify the processes of interaction between the state and citizens, the business community, and government bodies among themselves and promote economic growth, rather than contribute to the emergence of additional financial and administrative barriers.

Keywords: platformization, government information systems, national development goals, information security, personal data, Gostech, digital transformation, Public administration, digital platform, digitalization

References (transliterated)

1. Tsifrovaya transformatsiya i gosudarstvennoe upravlenie: nauchno-prakticheskoe posobie / A.S. Emel'yanov, A.A. Efremov, A.V. Kalmykova i dr.; red. kol.: L.K. Tereshchenko, A.S. Emel'yanov, N.A. Povetkina. – Infotropik Media, 2022. – 224 s.
2. Tereshchenko L.K. Tsifrovye platformy: podkhody k regulirovaniyu // Zhurnal rossiiskogo prava. 2024. T. 28. № 9. S. 163-175.
3. Revyakin, S. A. & da Rocha, A. (2021). An Empirical Investigation of E-Government Adoption in Russia: Access, Rights, Trust and Citizens' Experience. Public Administration Issues, no 5 (Special Issue I, electronic edition), pp. 137-160 (in English). DOI: 10.17323/1999-5431-2021-0-5-137-160.
4. Revyakin S.A. Funktsional'nost' elektronnykh platform obshchestvennogo uchastiya: prichem zdes' sotsial'nye seti? // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – 2019. № 3. S. 88-106.
5. Dmitrieva N.E., Minchenko O.S., Ryl'skikh E.V. Tsifrovye platformy kak sub"ekt i ob"ekt regulirovaniya, ili kak platformy izmenyayut sistemу gosupravleniya // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. 2022. № 2. S. 60-84. DOI: 10.17323/1999-5431-2022-0-2-60-84.

6. Rossinskii B.V. Razvitie predstavlenii o predmete administrativnogo prava // Administrativnoe pravo i protsess. 2021. № 5. S. 9.
7. Polozhikhina M.A. Organizatsiya gosudarstvennogo upravleniya v sovremennoi Rossii: struktura, tekhnologii, otsenki. M., 2012. 294 s.
8. Talapina E.V. Perspektivy pravovogo regulirovaniya kachestva publichnogo upravleniya // Administrativnoe pravo i protsess. – 2021. – Т № 11. – С. 33-36.
9. Tsifrovaya transformatsiya v gosudarstvennom upravlenii [Elektronnyi resurs] : kollekt. monogr. / N. E. Dmitrieva, A. G. Sanina, E. M. Styrin i dr.; pod red. E. M. Styrina, N. E. Dmitrievoi; Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». – Elektron. tekst. dan. (2,3 Mb). – M.: Izd. Dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2023. – ISBN 978-5-7598-2831-0.
10. Yuzhakov V.N., Pokida A.N., Zybunovskaya N.V., Starostina A.N. Vliyanie tsifrovizatsii na kachestvo gosudarstvennogo upravleniya – cherez prizmu otsenok grazhdan (na osnove sotsiologicheskikh oprosov RANKhiGS 2022–2024 gg.) // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. 2024. № 2. С. 85-109. DOI: 10.17323/1999-5431-2024-0-2-85-109
11. Ivanov N.Yu. Problemy pravovogo regulirovaniya ponyatiya i otsenki effektivnosti gosudarstvennykh informatsionnykh sistem // Yurist. 2024. № 2. С. 42-46. DOI: 10.18572/1812-3929-2024-2-42-4

Reflection of the main legal archetypes in Russian folk tales

Popova Iuliia Evgen'evna

independent researcher

620041, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Tram lane, 2/2, sq. 72

 yulya.kiss.popova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the description of the phenomenon of legal archetypes of order, property, power, personality and their reflection in Russian folk tales. The identification of these archetypes is to a certain extent conditional, since these elements of the collective unconscious are not given as an immediate empirical reality. Archetypes are dynamic phenomena that manifest themselves in the form of impulses. They give life to myths, religions, and philosophical concepts that affect entire nations. The archetypes of the collective unconscious have a significant impact on the process of legal socialization and constitute in their entirety a matrix of legal behavior. It is necessary to talk about the varying degrees of generalization of these archetypes. Each of them can be "fragmented" into several other archetypes, each of them intersects and is interconnected with the others.

Nevertheless, all the listed legal archetypes meet their main characteristics: a) they represent a structural element of the collective unconscious, that is, their existence does not depend on the mental processes of a single individual; b) they do not lend themselves to direct empirical observation, but manifest themselves indirectly, expressed in myths and fairy tales; c) they are typical and repeatable; d) they are universal, manifested in plots that are very similar among peoples of different cultures. Nevertheless, all the listed legal archetypes meet their main characteristics: a) they represent a structural element of the collective unconscious, that is, their existence does not depend on the mental processes of a single individual; b) they do not lend themselves to direct empirical observation, but manifest themselves indirectly, expressed in myths and fairy tales; c) they are typical and repeatable; d) they are universal, manifested in plots that are very similar among peoples of different cultures.

Keywords: the phenomenon of fairy tales, The archetype of ownership, Jung, The archetype of equivalence, folk tales, legal culture, early legal ideas, The legal archetype, the collective unconscious, Legal awareness

References (transliterated)

1. Andreev N. P. *Ukazatel' skazochnykh syuzhetov po sisteme Aarne*. Leningrad: izdanie Gos. russkogo geograficheskogo o-va, 1929. 118 s.
2. Afanas'ev A. N. *Russkie narodnye skazki* A. N. Afanas'eva / pod red. A. E. Gruzinskogo; s kartinami A. Komarova, M. Shcheglova: v 5 t. Moskva: Tip. T-va I. D. Sytina, 1913. T. 1. 224 s.
3. Afanas'ev A. N. *Russkie narodnye skazki* A. N. Afanas'eva / pod red. A. E. Gruzinskogo; s kartinami A. Komarova, M. Shcheglova: v 5 t. Moskva: Tip. T-va I. D. Sytina, 1914. T. 2. 335 s.
4. Afanas'ev A. N. *Russkie narodnye skazki* A. N. Afanas'eva / pod red. A. E. Gruzinskogo; s kartinami A. Komarova, M. Shcheglova: v 5 t. Moskva: Tip. T-va I. D. Sytina, 1914. T. 3. 292 s.
5. Afanas'ev A. N. *Russkie narodnye skazki* A. N. Afanas'eva / pod red. A. E. Gruzinskogo; s kartinami A. Komarova, M. Shcheglova: v 5 t. Moskva: Tip. T-va I. D. Sytina, 1914. T. 4. 288 s.
6. Afanas'ev A. N. *Russkie narodnye skazki* A. N. Afanas'eva / pod red. A. E. Gruzinskogo; s kartinami A. Komarova, M. Shcheglova: v 5 t. Moskva: Tip. T-va I. D. Sytina, 1914. T. 5. 275 s.
7. Miroshnichenko O. I. *Russkii kul'turnyi arkhetip kak sredstvo identifikatsii sovremennoego rossiiskogo prava*: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01 / Miroshnichenko Ol'ga Igorevna. Moskva, 2016. 33 s.
8. *Narodnye russkie skazki: iz sbornika A. N. Afanas'eva / teksty otobrany V. P. Anikinym; vstup. st., slovar' V. P. Anikina; khudozh. T. Mavrina*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1982. 319 s.
9. Popova Yu. E. *Fenomen pravovogo arkhetipa ekvivalentnosti i ego otazhenie v russikh narodnykh skazkakh* // *Yuridicheskie issledovaniya*. 2021. № 11. S. 1-14. URL: <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2021.11.36948>.
10. *Russkie narodnye skazki i pobasenki: sborniki E. A. Chudinskogo i A. A. Erlenveina*. Ivanovo: Roshcha, 2017. 265 s.
11. Tyurin M. G. *Arkhetipy natsional'noi pravovoi kul'tury*: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01 / Tyurin Maksim Grigor'evich. Rostov-na-Donu, 2008. 29 s.
12. Kharari Yu. N. *Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva* / per. s angl. L. Summ. Moskva: Sindbad, 2020. 520 s.
13. Yung K. G., fon Frants M.-L., Khendersen D., Yaffe A., Yakobi I. *Chelovek i ego simvolы / vved. D. Frimana; per. s angl. S. N. Sirenko, N. A. Sirenko*. Moskva: Serebryanye niti; Sankt-Peterburg: AST, 1997. 367 s.
14. Hill K., Hurtado A. M. *Ache Life History: The Ecology and Demography of a Foraging People*. New York: Aldine de Gruyter, 1996. 581 p.

Legal certainty and formalization in the improvement of the criminal procedure form

Abstract. The subject of the research is the criminal procedure form. The need to improve criminal procedure law leads scientists to form numerous proposals for correcting its content. The proposals are based on the desire to ensure the effectiveness of the criminal procedure form, to increase the level of protection of the rights and legitimate interests of participants. However, the vast majority of opinions expressed in criminal procedure science regarding ways to improve the domestic criminal procedure form are related to the introduction of various additions to the current criminal procedure law, as well as a rather monotonous tendency to improve the criminal procedure form exclusively by the way of its formalization. Such an increase in formalization leads to an increase in the number of contradictory rules that do not correspond to other criminal procedural provisions and are not interrelated with them. The research is based on general scientific and private scientific methods of cognition, which made it possible to analyze sources on the chosen topic and synthesize knowledge about the current state of the domestic criminal procedure form. The analysis of the opinions presented in criminal procedure science regarding the directions of improvement of the criminal procedure form allowed us to formulate significant theoretical conclusions of the author of the manuscript on the studied aspect. The article formulates and substantiates the author's position on the need to diversify the ways to improve the criminal procedure form, among which both the detailing of the criminal procedure form and its differentiation should be used. The leading method of improving the domestic procedural form is formalization. According to the author, individualization should play a positive role in the implementation of this method of further improvement of the criminal procedure form, which, in fact, "launches" the process of formalization. As a result of the research, the author formulated the idea of taking into account to a certain extent the scientific concept of the so-called framework procedural regulation. The main condition in this approach is the recognition by the legislator and the normative consolidation of the powers of officials and state bodies to independently take into account the circumstances that arise within the framework of specific procedural situations and apply alternative procedures to individualize production.

Keywords: participants in criminal proceedings, individualization, procedural decision, legal framework regulation, improvement, details, formalization, the criminal procedure form, criminal proceedings, formal certainty

References (transliterated)

1. Aleksandrov A.N., Lashchenko R.A. Aktual'nye voprosy realizatsii organami predvaritel'nogo rassledovaniya polozhenii, predusmotrennykh p. 3.2 ch. 1 st. 196 UPK RF // Rossiiskii sledovatel'. 2019. № 9. S. 12–16.
2. Balakshin V.S. Poluchenie, sobiranie, formirovaniye dokazatel'stv: problemy tolkovaniya i primeneniya pri otsenke dopustimosti dokazatel'stv // Zakonnost'. 2022. № 3. S. 35–36.
3. Bukhanov A.I. Zloupotreblenie pravom na pol'zovanie rodnym yazykom uchastnikami ugolovnogo protsessa // Rossiiskii sledovatel'. 2022. № 6. S. 21–24.
4. Vilkova T.Yu. Printsipy ugolovnogo sudoproizvodstva v zakonodatel'stve gosudarstv s pandektnoi i institutsionnoi sistemoi prava // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika.

2019. № 3. S. 18.

5. Guseva I.I. Unifitsirovannyi/differentsirovannyi podkhod k strukture ugolovnogo protsessa Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Vladimir. 2004. – 32 s.
6. Dovgan' K.E. Dovgan' K.E. Teoriya ramochnogo pravovogo regulirovaniya: monografiya. M.: Yurlitinform, 2023. S. 14–15.
7. Dovgan' K.E., Kovalenko N.E. Sootnoshenie ramochnogo i grazhdanskogo protsessual'nogo pravovogo regulirovaniya // Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess. 2024. № 2. S. 19–22.
8. Kovtun N.N., Kovtun I.S. Pravovaya opredelennost' kak printsip rossiiskogo ugolovno-protsessual'nogo prava // Al'manakh". № 1: diskussionnye aspekty razvitiya i primeneniya ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva / pod red. M.P. Polyakova, V.V. Terekhina. Kazan', 2018. S. 103–110.
9. Kulakova V.Yu. Pravovaya opredelennost' sudebnogo resheniya v svete realizatsii prava na sudebnyu zashchitu v sude kassatsionnoi instantsii // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2014. № 7. S. 9–15.
10. Lebedev M.Yu. Printsipy prava kak osnova mezhotraslevogo vzaimodeistviya // Vestnik grazhdanskogo protsessa. 2021. № 3. S. 50–69.
11. Osodoeva N.V. Zapret opredelennykh deistvii kak samostoyatel'naya mera presecheniya v ugolovnom sudoproizvodstve // Rossiiskii sud'ya. 2022. № 10. S. 20–24.
12. Pastukhov P.S. Kakoi kharakter istiny dostatochen dlya realizatsii mekhanizma ugolovnoi otvetstvennosti? // Yuridicheskaya istina v ugolovnom prave i protsesse. Sb. st. po materialam Vseros. nauch.-prakt. konf. / pod obshch. red. K.B. Kalinovskogo, L.A. Zashlyapina. SPb.: Petropolis, 2018. S. 153–164.
13. Pokrovskii I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. 3-e izd., stereotip. M., 2001. S. 89.
14. Polyakov S.B., Sidorenko A.I. Znachenie printsipa pravovoi opredelennosti v Postanovleniyakh Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka // Advokat. 2014. № 7. S. 5–10.
15. Polyakov M.P. «Protsessual'noe» i «neprotsessual'noe» kak kategorii filosofii ugolovnogo protsessa // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2006. № 4. S. 14–19.
16. Prekrashchenie finansovogo lizinga v svyazi s nedostatkami predmeta lizinga: ot clausula de rebus sic stantibus k ucheniyu o vzaimozavisimykh dogovorakh // Vestnik grazhdanskogo prava. 2021. № 3. S. 236–319.
17. Romanov S.V. Razumnyi srok ugolovnogo sudoproizvodstva: Kurs ugolovnogo protsessa / A.A. Arutyunyan, L.V. Brusnitsyn, O.L. Vasil'ev i dr.; pod red. L.V. Golovko. M.: Statut, 2016. – 1278 s.
18. Rossinskii S.B. Ugolovno-protsessual'naya forma: sushchnost', problemy, tendentsii i perspektivy razvitiya // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2020. № 9. S. 67–79. S. 74.
19. Soinikov M.A. Otdel'nye protsessual'nye aspekty vozmeshcheniya vreda, prichinennogo transportnymi prestupleniyami // Rossiiskii sud'ya. 2019. № 4. S. 8–12.
20. Sultanov A.R. Vosstanovlenie narushennykh prav i pravovaya opredelennost' // Rossiiskaya yustitsiya. 2011. № 4. S. 58–61.
21. Tret'yakov S.V. Sub"ektivnoe pravo, kak «poslednyaya abstraktsiya» tsivilistiki: genezis i strukturnye komponenty klassicheskoi volevoi teorii // Vestnik grazhdanskogo prava. 2020. № 2. S. 18–59.

22. Usachev A.A. Pravovaya opredelennost' kak osnova ugolovnogo sudoproizvodstva: ot teorii k sovershenstvovaniyu zakonodatel'stva // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2021. № 8. S. 129–140.
23. Khazieva E.M. Problema unifikatsii praktiki opredeleniya razmera denezhnoi kompensatsii moral'nogo vreda v poryadke reabilitatsii // Rossiiskii sud'ya. 2021. № 11. S. 3–7.
24. Tsvetkov Yu.A. Privilechenie v kachestve obvinyaemogo-kul'minatsiya sledstvennoi idei // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2022. № 1. S. 17–21.
25. Tsyretorov A.I. Puti preodoleniya izlishnei zhestkosti ugolovno-protsessual'nykh form // Rossiiskaya yustitsiya. 2023. № 8. S. 38–44.
26. Chekotkov A.Yu. Formal'nyi i material'nyi podkhody k regulirovaniyu protsessual'nogo statusa uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva: neobkhodimost' ustanovleniya balansa // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2020. № 11. S. 207–213.
27. Shevchenko I.M. O ponyatii «edinoobrazie sudebnoi praktiki» (na primere del o bankrotstve) // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2022. № 6. S. 144–155.

On the issue of the criteria for the normative consolidation of the special powers of a representative in the civil process

Pleshakov Alexander Gennad'evich

PhD in Law

Associate Professor; Department of Civil Procedure; Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

620137, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Komsomolskaya str., 21, office 404

 algenp0911@gmail.com

Abstract. The object of the study is one of the main elements of the procedural and legal status of a representative in the civil process - the special powers of the representative. The subject of the study is the norms of the branches of procedural (civil, arbitration and administrative) law governing the institution of judicial representation, as well as the work of procedural scientists on the problems of representation in court. Special attention is paid to the analysis of the state of legal regulation of the composition of the special powers of the representative, both from the point of view of compliance of the currently consolidated list of these powers with the criteria for classifying them as special, and from the point of view of the possibility or necessity of its replenishment due to the new rights of the parties and other persons involved in the case, which were consolidated after the entry into force of the current CPC RF. The methodological basis of the research consisted of the following methods: analysis, synthesis, system-structural, formal-logical, theoretical-predictive, comparative-legal, interpretation of legal norms. The novelty of the study lies in the fact that for the first time special powers are considered through the prism of objective criteria for their normative consolidation, due to the legal nature of the procedural actions performed by a representative on behalf of the represented.

Based on the results of the study, the following conclusions were drawn. The normative consolidation of the composition of the special powers of a representative should be based, first of all, on the following criteria for classifying powers as special: the administrative nature of the representative's actions, the consequences of the representative's actions for the principal, the influence of the representative's actions on the emergence and movement of the case. The effect of several criteria simultaneously in relation to a particular authority should be considered as a factor additionally indicating the need for their inclusion in the special

ones.

In addition to the criteria, the adjustment of the scope of special powers should take into account: a) the need for a unified approach to regulating the issue of special powers of a representative in three types of legal proceedings — civil, arbitration and administrative; b) the emergence of new rights of the parties, the emergence of which, taking into account the criteria for attribution, should be based on direct consolidation in the power of attorney. Based on the analysis of the impact of the selected criteria on the regulation of the composition of the special powers of the representative, as well as taking into account the need to eliminate unjustified discrepancies in the regulation of this issue in civil, arbitration and administrative proceedings, proposals were made to supplement the list provided for in art. 54 of the CPC RF.

Keywords: submission of an additional claim, signing of the statement of claim, conclusion of a mediation agreement, the right to appeal, consequences of the representative's actions, disposal actions of litigants, the movement of the case in court, the general powers of representative, the special powers of representative, judicial representative

References (transliterated)

1. Grazhdanskoe protsessual'noe pravo Rossii / Pod red. S.F. Afanas'eva. M., 2013. – 879 c.
2. Voitovich L. V. Vedenie del v grazhdanskom i arbitrazhnym protsesse posredstvom deistvii predstavitelya: monografiya. – Khabarovsk, 2009. – 139 s.
3. Zaitsev I. M. Polnomochiya predstavitelya v grazhdanskom protsesse // Sovetskaya yustitsiya. – 1988. – № 21. – S. 21-23.
4. Komissarov K. I. Posledovatel'noe progressivnoe razvitiye sovetskogo grazhdanskogo protsessual'nogo prava // Problemy deistviya i sovershenstvovaniya sovetskogo grazhdanskogo protsessual'nogo zakonodatel'stva. – Sverdlovsk: Izd-vo SYU im. R.A. Rudenko, 1982. – S. 3-17.
5. Kommentarii k Arbitrazhnому protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi) / Pod red. V.V. Yarkova. – M., 2020. – 1071 s.
6. Kommentarii k Grazhdanskому protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii / Pod obshch. red. V.V. Yarkova. – M., 2021. – 928 s.
7. Kontseptsiya edinogo Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii. – M.: Statut, 2015. – 224 s.
8. Sakhnova T. V. Kurs grazhdanskogo protsessa: teoreticheskie nachala i osnovnye instituty. – M., 2008. – 696 s.
9. Skuratovskii M. L. Dopolnenie iska v arbitrazhnym protsesse – zloupotreblenie? // Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess. – 2023. № 7. – S. 22-24. – DOI: 10.18572/1812-383X-2023-7-22-24
10. Tarlo E. G. Professional'noe predstavitel'stvo v sude. – M., 2004. – 416 s.
11. Khalatov S. A. Predstavitel'stvo v grazhdanskom i arbitrazhnym protsesse. – M., 2002. – 205 s.